

Читайте:

4 Виктор ЛИВЦОВ: В гости к Кантемиру
6 Ольга АРИСТАРИНА: Как приятно босиком...

15 Елена АНУФРИЕВА: Новый день
16 Элина ЛЁВИНА: Тянушка

8 Вадим ЕВСЕЕВ: Гордиться и помнить
9 Оксана МОРОЗОВА: Равнение на героев

18-21 У нас в гостях поэты из Крыма: М. ПОЛЯКОВА,
А. КРОТКО, М. СЕРГЕЕВА, А. ЛЕНЖЕТОВА, Е. ДАНИЛОВА

10 Валерий АНИШКИН:
Моя карма

22 Михаил КОНЬШИН: Семь лепестков ромашки

26 Валерий СОЛДАТОВ: Они тоже хотели жить

13 Шевкет КЕШФИДИНОВ: Волчицы

28 Анатолий ПЕРЕЛЫГИН:

14 Екатерина МОРДОВСКАЯ: Волшебный трамвай

Как жили наши предки

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

17 июля нас ждут большие потрясения.

Это прогноз моего ангела-хранителя, который недавно вышел на связь.

Что же произойдёт в этот день? Ангел-хранитель напомнил, что именно в этот день 1918 года в Екатеринбурге свершилось вселенское злодеяние: ночью, в подвале Ипатьевского дома, была уничтожена семья последнего Императора Всероссийского Николая II. А годом ранее в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация.

Раньше, 17 июля 1791 года, — На Марсовом поле в Париже расстреляна мирная демонстрация, требовавшая отречения французского короля Людовика XVI. 17 июля 1793 года — В Париже казнена Шарлотта Корде, убийца лидера Французской революции Марата.

17 июля 1917 — В плехановской газете «Единство» русский журналист Г. Алексинский опубликовал сведения о том, что Ленин и большевики финансируются немецким правительством.

17 июля 1917 — Командующий Балтфлотом адмирал Д. Вердеревский отказался исполнять приказ Временного правительства отправить корабли против кронштадтских моряков. За что и поплатился.

17 июля 1923 — Совнарком СССР создал Совет Труда и Оборона во главе с В.И. Лениным. На долгие 70 лет страна погрузилась во мрак, нищету, противостояние...

17 июля 1942 года началась Сталинградская битва.

17 июля 1944 года в Москве прошёл марш немецких военнопленных (57 тысяч человек)...

Затем произошло множество катастроф и трагедий.

Но нас всё же интересует, что предсказывают на ближайшее будущее.

17 июля по праву считается негативной датой. Вот и в этом году именно 17 июля ожидают немало смертей знаковых людей, особенно властителей и «ястребов», которым не живётся спокойно. Да и «простым» людям стоит побережиться: снять с души негатив и злобу, покаяться, чтобы не гневить Бога. Предполагается, что в этот день и на политической арене произойдёт немало перемен. Хотелось бы, чтобы в лучшую сторону, но... Нам остаётся только надеяться пережить этот день без потерь.

№38' апрель 2023

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.04.2023 г. Выход в свет: с 01.04.2023 г.

Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №38-НО+Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

12+

Виктор ЛИВЦОВ,
 заместитель директора Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС),
 доктор исторических наук, профессор,
 заслуженный работник культуры РФ,
 член Общественной палаты России,
 почётный гражданин Орловской области,
 кавалер ордена Почёта

В ГОСТИ К КАНТЕМИРУ

В Дмитровске до наших дней сохранилась уникальная русская усадьба, которой и обязан своим существованием город Дмитровск. Речь идёт об усадьбе Кантемиров (ул. Свободная) – самом раннем памятнике усадебной архитектуры на Орловщине.

Сейчас это излюбленное место для прогулок у дмитровцев, а когда-то это был усадебный парк известного в России деятеля, сподвижника Петра I господаря Молдавии Дмитрия Кантемира.

По кантемировской усадьбе с нами прогулялись доктор исторических наук, профессор Виктор Ливцов и научный сотрудник Дмитровского краеведческого музея Кристина Храмченкова.

– Неудачно закончившийся Прутский поход 1711 года заставил сподвижника Петра I молдавского господаря Дмитрия Константиновича Кантемира с семейством искать убежище в России, – рассказывает Виктор Ливцов. – Вместе с ним в изгнание ушли 24 боярина и около четырёх тысяч молдаван. По указу Петра I Кантемир получил титул князя, ему назначается ежегодная пенсия в 6 тысяч рублей. Кантемиру были пожалованы и обширные имения в Московском и Севском уездах. В Комарицкой волости из дворцовых земель ему жалуются вотчина в 1000 дворов.

Имея блестящее образование, владея пятнадцатью языками, Дмитрий Кантемир сам разрабатывает чертежи для усадьбы. В 1715 году в центре своей вотчины близ деревни Горбуновой, у слияния рек Неруссы и Общерицы, он основал село Дмитриевку, где по указанию Кантемира в 1721 году начинается строительство крупной княжеской усадьбы, в состав которой входили деревянный дом с жилыми покоем и хозяйственными службами и каменная церковь св. Димитрия Солунского. Одновременно на площади 11,3 га закладывается парк в французском стиле.

Сейчас из уникального ансамбля сохранились домовая церковь св. Димитрия Солунского, ограда парка из красного

кирпича и, собственно, сам парк с деревьями, иные из которых ещё помнят звук шагов Кантемира.

– Парк имеет элементы как восточного парка, так и французского сада 18-го века, – продолжает рассказ Виктор Ливцов. – Здесь Кантемир часто бывал, жил, здесь воспитывался его сын Антиох Кантемир – сатирик, переводчик и дипломат.

Интересно, что на древних, середины 18-го века, стенах, окружающих парк, до сих пор сохранились остроконечные башни. Ранее они располагались на четырёх углах квадратного парка, сохранились только две башни. Это яркий образец русской неоготики, которая возникла в эпоху Екатерины Великой. Этот стиль был образцом соединения неких элементов турецкой архитектуры, средневековой готической и классицизма. Кстати, в этом стиле в Орловской области построены две усадьбы: усадьба Кантемиров и усадьба Каменских в Сабурово. По словам Ливцова, в России подобного рода усадеб сохранилось очень мало.

Научный сотрудник местного краеведческого музея Кристина Храмченкова рассказывает, как дорог этот парк всем дмитровцам. Она показывает его центральные аллеи, усыпанные мелким гравием, на которых когда-то развлекался дмитровский люд. Здесь играл симфонический оркестр, купцы торговали сладостями, по выходным даже давались незабываемые театральные представления.

– Среди дмитровцев ходит легенда, что когда строилась местная стена, крестьяне собирали со всех дворов куриные яйца для клейкого состава, соединяющего кирпичи парковой стены, – улыбается Кристина. – Ведь цемента тогда ещё не было.

А ещё дмитровцы передают из уст в уста легенду о том, что из одной башни, встроеной в стену парка, идёт подземный ход до реки Неруссы. Может, так и есть! Только раскопки пока никто не вёл. Не так давно в усадьбу Кантемиров приезжали учёные из Санкт-Петербурга, которые прогуливались по древним аллеям парка, восхищаясь его красотой, его богатейшей историей.

Жемчужиной уникального архитектурного ансамбля в Дмитровске является церковь во имя св. Димитрия Солунского, заложенная Кантемиром в 1723 году. Эта церковь единственная на Орловщине выполнена в стиле петровского барокко. Храм действующий, главный и единственный в городе. На колокольню, с которой открывается красивый вид на Кантемиров град, ведут очень узкие каменные ступени. Рядом с церковью старинный, с маленькими окошечками домик священника. Всё это вместе с парком составляет единый архитектурный ансамбль, из которого есть пошла дмитровская земля.

Кстати, на роде Кантемиров история парка не заканчивается. После смерти Кантемира в 1723 году имением владели его сыновья, князь Константин, затем князья Матвей и Сергей. К сожалению, дворец, построенный в 1726 году, сгорел в 1840-е годы. Не сохранились и другие усадебные здания. В 1780 году согласно завещанию князя Сергея имение отошло в казну.

Император Павел I пожаловал канцлеру графу Александру Андреевичу Безбородко значительную часть бывших владений Кантемира, в том числе и усадьбу в Дмитровске. Новый владелец развернул на месте обветшавших кантемировских построек большое строительство.

– Граф Безбородко был умнейшим человеком, он мог изобретать указы на ходу, – рассказывает Ливцов. – Известен анекдотичный случай, когда Екатерина потребовала указ, но вовремя он подготовлен не был. Чтобы скрыть это, Безбородко прочитал указ по чистому листу. Указ был на-

Пётр I и господарь Молдавии Дмитрий Кантемир в битве за Молдавию, с турками и татарами, 1711г.

Пётр I и Мария Кантемир

Об этой связи существует немало легенд

столько безупречен, что Екатерина тут же попросила его на подпись. Вот было смеху, когда императрице поднесли чистый лист!

Сейчас и усадьба, и храм являются памятником федерального значения, охраняются государством. Конечно, хотелось бы видеть более трепетную заботу о таком уникальном ансамбле. К примеру, в советские времена, по рассказам очевидцев, за парковыми аллеями ухаживали на постоянной основе: дорожки выметались, деревья вовремя подстригали.

– В Дмитровск приезжают туристы, – рассказывает Кристина Храмченкова. – И мы готовы показать и рассказать об усадьбе самые интересные сведения. Экскурсия, как правило, начинается с храма во имя св. Димитрия Солунского, где отпевали Кантемира. Потом мы идём в парк, рассматриваем стены с башнями. Мы гордимся, что в Дмитровске есть такое место, ради которого стоит посетить Орловщину!

КАК ПРИЯТНО БОСИКОМ ПРОБЕЖАТЬ ПО СВЕЖЕЙ ТРАВКЕ

ПЛОХАЯ ПОГОДА

Погода была плохая,
Об этом сама не зная.
Была себе и была:
Морозила, дула, лила.
Её огорчать не стану,
Сапожки и зонт достану.
Пройдусь по дорожкам сада,
Как будто бы так и надо.
Надену пальто, перчатки,
Как будто бы всё в порядке.
И шарфик ещё повяжу.
Ни слова я ей не скажу.

УТРО

Утро выползает из ночей
Медленно, на хвост устроив солнце.
С каждым шагом ближе, горячей,
А потом – как прыгнет и взовьётся!

И случайно чудо разольёт
И рассыплет радость из кармана,
И на бег неожиданно перейдёт.
Любишь утро – просыпайся рано!

ПРОГУЛКА С СОБАКОЙ

Мне собаку подарили.
Подарила мне собака
Дождик, самый тёплый в мире,
Речку, поле, облака.

Я её люблю за это,
Может, даже больше всех, –
За закаты, за рассветы
И за самый первый снег.

И за южный тёплый ветер,
И за отблеск фонарей,
И за всё, за всё на свете,
Что мы повстречали с ней.

За волшебный переулочек,
За туманную зарю,
За усталость от прогулок
Я собаку так люблю!

ДОЖДЛИВЫЙ ЯЗЫК

Дождь вчера весь день ходил
И стучал в моё окошко.
Он мне что-то говорил.
Даже злился дождь немножко.

«Тук-тук-тук, – он громко пел. –
Что же ты не понимаешь?
Я зайти к тебе хотел.
Ты сидишь, не открываешь...»

Очень я жалел о том,
И сейчас ещё жалею,
Что дождливым языком,
К сожаленью, не владею.

Он мне – кап, а я – молчок.
Он мне – тук, сижу – моргаю.
Двор уже насквозь промок.
Я никак не отвечаю...

Дождь уже вот-вот пройдёт.
Он обиженно косится.
Может, кто переведёт,
Чем он хочет поделиться?

ГРОМ ВАСЯ

Вася стукнул кулаком –
Напугал весь лес до дрожи,
Потому что Вася – Гром.
По-другому он не может!

Вася выбился из сил
И на облако взобрался.
Полчаса ревел, басил,
А потом вдруг разрыдался.

Вася тучки посчитал:
«Три, четыре, бэ, суббота...»
Потому что Вася мал
И пока не знает счёта.

Вася что-то приболел.
Доктор, вежливо кивая,
В октябре ему велел
Выходить не раньше мая.

Вася радугу позвал,
Но, пока та наряжалась,
Папа Васю в дом загнал.
Жаль, игра не состоялась!

Вася громче всех кричал.
Вася бахал, бухал, грохал:
Потерялся, маму звал.
Он, хоть гром, но всё же кроха!

Вася хочет стать слоном
(Где на это учат, кстати),
Потому что Вася – Гром
Не обычный, а мечтатель!

Вышел Вася в облака
И зарядку начинает:
Два огромных кулака
Разжимает и сжимает.

Вася очень модный гром:
К ливню он принарядился:
Электрическим хвостом
Нам сегодня похвалился.

«Тучка хлопкая такая...
Я не хлопать не могу», –
Гром вздыхает, объясняя
Поведенье на бегу.

Долго спорил с тучкой Вася:
Гром главней всего в дожде!
Дождь был с ними не согласен
И пошёл – сам по себе.

Вася – знатный музыкант
И сегодня ранью ранней,
Подтверждая свой талант,
Он играл на барабане.
Он уселся на карниз
И с умытых чистых окон
Всё стекали капли вниз...
Я уснул, а дождь похлопал.

Васе тучка бок щекочет –
Безобидная на вид.
Гром хохочет, так хохочет,
Что в ответ земля дрожит.

А Вася всё спорил и спорил упрямо:
«Не буду так рано вставать!»
Но очень грозиво взглянула громама
И вывела в дождик гулять!

Оттого, что Вася Гром,
Он до нитки промокает:
С четырёх сторон зонтом
Рук укрыться не хватает.

«Грозы Грому не игрушка,

Если Гром – совсем дитя», –
Папа-Гром сынка за ушко
Тащит в угол из дождя.

Вася учит на органе
Гаммы: бу-бу-бу, ба-бам!
Дождь соседский барабанит:
«Эй, на тучке! Тише там!»

Гром, ворочаясь в кровати,
Вдруг сорвался и упал.
И подумал: «Как же кстати
Столько тучек я согнал!»

В прятки Гром с дождём играли
На пригорке возле сёл.
Но обедать дождь позвали.
Он простился и пошёл.

НеПаровоз

Как приятно босиком
Пробежать по свежей травке
Под каким-нибудь кустом,
По какой-нибудь канавке.

По какой-нибудь реке
Побродить, задрав штанины,
Потоптаться на песке,
Словно выводок утиный.

Но, когда ты паровоз,
Весь из пламени и стали,
Не крутить тебе колёс,
Где ребята пробежали...

Хорошо, что я не он,
Не железный и фырчащий,
Не какой-нибудь вагон,
А живой и настоящий!
Пугливая луна

Я откусил кусок блина.
Огромнейший такой кусок.
И шире бледная луна
Раскрыла жёлтенький глазок.

Ей показалось, это я
Во сне полбока ей отгрыз.
И, неприступный вид храня,
Луна взглянула сверху вниз.

И наблюдала так за мной,
Во тьме дрожала за окном,
Пока не съел я ужин свой
И не расправился с блином.
Теперь луна не может спать.
Я прихожу к ней в страшных снах
И начинаю в бок кусать...
Забудьте ночью о блинах...

Гордиться И ПОМНИТЬ

№ 2 посёлка Верховье, а также работники культуры, службы соцзащиты, библиотечной сферы, всего не менее 200 человек. Многие признавались, что никогда не слышали о женском противотанковом артиллерийском расчёте, поэтому рассказ об этом неизвестном эпизоде войны вызывал повышенный интерес.

– Надо же, это всё происходило совсем недалеко от нас, – скажет потом, после просмотра, библиотекарь Елена Должикова. – Какие девчонки, какие герои! А сколько их, таких вот героических расчётов, отважных медиков, связистов, пехотинцев, танкистов сражались тогда с лютым врагом на всех фронтах?! Благодаря им, их отваге и мужеству наш народ победил в той войне.

Не скрывала своих эмоций и десятиклассница Женья Илюшкина:

– Они очень храбрые, они пошли защищать свою землю, свою Родину. Никто их на фронт не посылал, они пошли добровольно, чтобы наряду с мужчинами бороться с немецкими захватчиками. Нам всегда нужно помнить о подвиге поколения тех лет. Помнить и гордиться.

Напомним, что инициатором акции «Вечный огонь. Из книги – на экран», получившей поддержку губернатора области Андрея Клычкова, стали ОРО Союза российских писателей и Военно-историческое общество. Мероприятия в каждом районе проходят при организационной поддержке и участии областного департамента культуры.

Члены инициативной группы писатели Геннадий Майоров, Михаил Коньшин, Валерий Анишкин, Наталия Елизарова и другие, всякий раз, встречаясь со школьниками и работниками отделов просвещения и культуры на местах, рассказывают о творческих конкурсах, которые проводит Союз российских писателей, приглашают ребят принимать в них участие, проводят мастер-классы, знакомят со своими новыми произведениями и обязательно дарят книги районным и сельским библиотекам. Это уже стало доброй традицией.

Вадим ЕВСЕЕВ

Районный центр и железнодорожная станция Верховье, а также несколько населённых пунктов в этом районе были освобождены от немцев ещё в конце декабря 1941 года. Но продвинуться дальше не получилось, и линия фронта на этом участке стабилизировалась на целый год. Мощное наступление Красной Армии возобновилось в начале 1943 года. 4 февраля после упорных боёв был освобождён посёлок Колпна, который расположен всего в 30 километрах от Верховья. Десять тысяч наших бойцов и командиров отдали свои жизни на колпнянской земле. В числе погибших оказались две молодые девушки, входившие в артиллерийский противотанковый расчёт, состоявший из пяти представительниц прекрасного пола.

Об истории и удивительной судьбе этого легендарного расчёта была написана книга, снят документально-игровой фильм. Удивительный сюжет фильма, который получил название «Девичья пушка», никого не оставляет равнодушным: ни детей, ни взрослых. Так было в каждом районе, так было и в Верховье, который принимал эстафету Всероссийского просветительского проекта «Вечный огонь».

В районном Доме культуры на встречу с героями давно минувшей войны, которые оживают на экране, собрались вместе со своими учителями старшеклассники школ № 1 и

Равнение на героев

В рамках концерта «Мой дед героем был – и я таким же стану!», который организовал Орловский городской центр культуры, был представлен Всероссийский просветительский проект «Вечный огонь». Около 500 учеников школ №№ 6, 12, 17, 51, гимназий № 16, 34, лицеев №№ 28, 40 стали участниками этого грандиозного мероприятия.

Председатель Орловского регионального отделения

Союза российских писателей и Орловского Союза журналистов Геннадий Майоров рассказал собравшимся об истоках нашего патриотизма, о необходимости быть достойным защитником Отечества, о важности беречь традиции старшего поколения. Ребятам был показан документальный фильм Игоря Свеженцева «Девичья пушка» (по книге Г. Майорова «Здесь оглохла зима от обстрела»).

Оксана МОРОЗОВА

Фото: Борис РОМАК

МОЯ КАРМА

Человек в мире изменённого сознания

(в сокращении)

Глава 16

В народный театр я еще некоторое время ходил на репетиции, что-то репетировал, но уже как дублёр, и наконец решил расстаться с этим моим авантюрным предприятием, признав свою профнепригодность.

– Ну что вы, Володя, не всё так плохо, – пожалел меня добрый Борис Михайлович.

– Володь, зря ты это. Всё у тебя нормально... Сразу ни у кого не получается. Даже Борис Михалыч сказал, что у тебя не так и плохо, – поддержал режиссёра Арсен.

– Спасибо, Арсен, но... Не моё это. Театр люблю, но играть не хочу. Я лучше буду ходить на ваши спектакли и радоваться вашим успехам, – пообещал я.

Я расстался со своим неудачным опытом в театре, но расставаться с театром не хотел, меня манили тайны закулисной жизни театра, которых я не знал, а поэтому решил поговорить с Борисом Михайловичем. Дождлся, когда он, закончив репетицию, собрался уходить, и подошёл к нему с просьбой.

– Борис Михайлович, – попросил я, – не могли бы вы посодействовать мне устроиться в ваш театр рабочим сцены? Я знаю, что просто так, с улицы, это сложно, но если вы замолвите словечко...

– Володя, охотно сделаю это, – с готовностью пообещал Борис Михайлович. – Но вы же работаете в школе? Сможете ли вы совмещать две работы?

– В школе у меня неполная учебная нагрузка и достаточно свободного времени. И потом, я занят только в первой смене.

– Приходите завтра в шесть вечера. Будете работать, – не стал углубляться дальше в вопрос Борис Михайлович, а потом спросил:

– А зачем вам это? Деньги?

– И это тоже... Но больше из любви к искусству, – засмеялся я, поймав себя на том, что отвечаю избитой и не к месту пафосно прозвучавшей фразой.

– До завтра, – пожал мне руку именитый режиссёр.

На следующий день к шести часам я был в театре. Центральный вход ещё не работал, и я пошёл к служебному. Вахтёру объяснил, что иду к Борису Михайловичу.

– Его ещё нет, – вахтёр подозрительно покосился, ища во мне какого-нибудь почитателя таланта, желающего пробраться в святая святых этого храма.

– Я знаю, – нашёлся я. – Он просил подождать.

Борис Михайлович появился в шесть, увидев меня, робко топчущегося в коридоре, повёл на сцену, где уже кипела работа: ставили декорацию к спектаклю. Кто-то двигал стол, кто-то расставлял стулья, стучал молоток. Маленький, широкий в плечах человек вполголоса кричал на рабочих, которые сидели на колосниках (Колосники – специальный настил, расположенный непосредственно над сценой. Благодаря им возможен спуск и подъём наверх частей декораций и реквизита.) и тянули вверх задник. Задник зацепился за что-то одним концом и не хотел идти дальше.

– Рома, можно вас на минуточку, – позвал Борис Михайлович.

Широкоплечий человек подошёл и почтительно поздоровался.

– Вот вам новенький, – отрекомендовал меня Борис Михайлович. – Парень он интеллигентный, но работы не боится, так что, думаю, сработается. Научите его здесь всему, что надо. Возьмёте его на неполный рабочий день. С директором и бухгалтерией я договорился.

– Не беспокойтесь, Борис Михалыч, сделаем, – просто сказал, как я понял, старший над рабочими сцены.

– Володя, – обратился Борис Михайлович ко мне. – Вы завтра до работы зайдите в бухгалтерию, вас оформят.

– Машинист сцены, Роман Давыдович, – назвал мой новый начальник. – А если проще, то бригадир. Работаю здесь почти пятнадцать лет, со всеми на «ты», а с Борисом Михалычем не могу. Он меня, понятно, тоже на «вы», уважает... Сам я могу поставить декорацию к любому спектаклю с закрытыми глазами. Но сложного здесь ничего нет. Присматривайся. Пару раз декорацию поставим, сам будешь знать, куда и что ставить.

К Давыдовичу подошёл высокий худощавый мужчина в костюме и галстуке и раздражённо сказал:

– Рома, вчера вы не довели фуруку (Фурука – платформы, служащие для передвижения на сцене частей декорационного оформления. Передвижение фуруки осуществляется электромотором, вручную или при помощи троса, верёвки, один конец которой находится за кулисами, а другой прикреплён к боковой стенке.) до места! Это помешало нормально сыграть сцену.

– Ефим Робертович, это случайность! Сбилась марка (Маркой в театре называют пометку в виде буквенного или условного обозначения, поясняющего место положения детали на сцене или место соединения одной части с другой.)...

– Что значит «сбилась»? – возмутился Ефим Робертович. – Рома! Чтоб это было в последний раз. Это театр. Театр! Понимаешь?

Он многозначительно поднял палец к небу, досадливо махнул рукой и ушёл, а Рома поморщился как от зубной боли.

– Главреж, – проговорил он, обозначая должность строгого руководителя.

И я стал работать в театре, история которого началась сто лет назад и который тогда назывался «Оперным домом», а ставились там водевили, комедии и оперетки. Театр горел, сносился и наконец был построен капитально с лепниной и скульптурами, стал государственным, объявлен народным достоинством и признан, как один из самых интересных и ярких провинциальных театров.

Драмтеатр напомнил мне Мариинский оперный, в котором мне в бытность студентом посчастливилось поработать артистом миманса. (Миманс – (сокр. от «мимический ансамбль») группа артистов, участвующих в массовых сценах оперных и балетных постановок.) Этот был похож на Мариинку не только салатом бело-розовой окраской, но и эклектикой. (Эклектика (гр.) – художественное направление в архитектуре, ориентирующееся на использование в одном сооружении любых форм прошлого в любых сочетаниях; обычно имеет место в период смены больших художественных систем.) И тот и другой построены в стиле классицизма с элементами барокко: мансардные окна, полуколонны, парусная башня, балюстрада (Балюстрада (фр) – ограждение (обычно невысокое) лестницы, балкона, террасы, и т.д., состоящее из ряда фигурных столбиков (балюсины), соединённых сверху перилами или горизонтальной балкой.), сложный аттик. (Аттик – с греческого «άττικός» – декоративная архитектурная деталь классической ордерной системы, представляющая собой скульптурно украшенный выступ над верхним карнизом здания, антаблементом.)

Театр был красив...

В подчинении у Давыдовича находились семь рабочих, я стал восьмым. В первый же вечер я попал на сложную декорацию, требующую большого количества реквизита. Попал я, правда, почти к концу, когда монтаж уже заканчивался.

– Ничего, – ободрил меня круглолицый парень с мягкими женственными чертами лица. – Горького ставить хорошо.

– Почему? – удивился я.

– Один раз поставил – и до конца спектакля... (Речь идёт о спектакле М. Горького «На дне».) А вообще, с русской классикой – морока. Не люблю. Взять «Дворянское гнездо». Семь потов сойдет, пока спектакль закончится. Одной мебели сколько.

И представился:

– Леонард.

Декорации находились в помещении за сценой, так что за ними далеко ходить не приходилось.

– Это декорационный цех. Мы его называем сараем (Другое название помещения для хранения декораций, примыкающее к сцене, называют карманом.), – объяснил Давыдович. – Здесь декорации всех спектаклей, а отсюда часть их вывозят только если спектакль снимается с репертуара. А рядом со сценой, потому что при длинной перевозке декорации часто ломаются.

На следующий день Давыдович отправил меня под сцену. Давали «Верность» Погодина, декорации ставили на круг, и мы вместе с Леонардом крутили баграми поворотный круг. Крутить было не трудно. После некоторого усилия деревянный круговой настил начинал легко вращаться, и больших усилий требовалось, чтобы остановить его на определённой отметке.

Мы хорошо слышали голоса, которые шли со сцены.

В какое-то время послышалось рыдание.

– Это артистка Веронская. У неё потом начнётся истерика, и её будут отпаивать валерьянкой, – серьёзно сообщил Леонард. – Артистка хорошая, только часто переигрывает, особенно, когда спектакль идёт давно.

Что-то грохнуло и свалилось, а потом пожилой мужчина пробежал мимо нас через подвал и поднялся по лестнице наверх за сценой.

– Это артист Мишулин. Когда по роли он уходит в левую кулису, а должен появиться в правой, то быстро перебегает под сценой и выходит. Расстояние приличное, вот и бежит, чтобы успеть, – заметив недоумение на моём, лицо пояснил мой напарник.

– Он вроде свалился с лестницы, – посочувствовал я.

– Бывает, – спокойно сказал Леонард. – Может, оступился, но пока серьёзно никто не пострадал.

Мы поднялись наверх и стояли за кулисами, когда занавес уже закрылся. Актрису, которую Леонард назвал Веронской, действительно отпаивали валерианкой. Она сидела в кресле за кулисами и всхлипывала.

Как-то, когда на сцене уже шёл спектакль, и я, свободный от работы, ходил по коридорам, ища закоулки, в которые ещё не заглядывал, хотя любопытство не давало покоя, и я успел побывать и в гримёрке, и в бутафорной, и в реквизиторской, но знал, что есть ещё и другие цеха, меня окликнул актёр Яшунский, красивый, вальяжный мужчина лет сорока с небольшим, которого я уже успел увидеть в двух спектаклях и знал, что его любит публика. Я проходил мимо его гримёрной, и дверь была почему-то открыта: то ли в комнате воздуха не хватало и хозяин проветривал помещение, то ли не хотел пропустить кого-то, кто мог пройти мимо, но он окликнул меня:

– Молодой человек, заходите.

– Да заходите, не стесняйтесь, – видя моё замешательство, повторил Яшунский.

В гримёрной напротив Яшунского за шахматной доской сидел Филиппов, о котором Давыдович говорил, что он умница, но пьяница и забудыга. Они играли в шахматы.

– Я, дорогой мой, в молодости котирировался по первому разряду, – говорил Яшунский, снимая конем пешку Филиппова.

– А я, золотце, все больше в шашечки... в шашечки, болезный мой, – вторил Филиппов, снимая коня слоном.

Я видел, что Яшунский проигрывает, но, он, очевидно, решив прощупать своего партнёра, сказал:

– Может, вернуть ход?

– Нет уж, благодетель, не надо, – усмехнулся Филиппов.

Яшунский задумался, считая ходы.

– Чёрт с тобой! Все равно продую, – решил Яшунский и весело сказал, сгребая фигуры в сторону:

– Сдаюсь!

– Зря, – сказал Филиппов, зевая.

– Это правда, что у вас феноменальная память? – повернулся ко мне Яшунский.

– Кто вам сказал?

– Каширин, Борис Михалыч.

– Говорят, – неохотно согласился я, предполагая, что за этим последует просьба показать, как это у меня получается.

– И насколько ваша память феноменальна? – не отставал Яшунский, а Филиппов с любопытством смотрел на меня.

И мне пришлось в который раз демонстрировать свою способность запоминать тексты. На гримёрном столике лежала газета «Советская культура». Я попросил газету, пробежал глазами первую страницу, передал её Яшунскому.

– Могу пересказать страницу слово в слово, но если хотите, начинайте читать любую строчку – я продолжу.

Когда артисты убедились, что я действительно помню всю страницу, они с каким-то недоумением молча смотрели на меня.

– Ну, это выше моего понимания, – сказал, наконец, Филиппов.

– А чего вас принесло в театр-то? – спросил удивлённый Яшунский.

– Интересно, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Да вам в цирке выступать нужно, – засмеялся Филиппов.

– Я подумаю, – пообещал я.

Яшунского позвали на сцену, он кивнул мне и заторопился к выходу. В дверях чуть задержался и спросил Филиппова:

– Пашку Алмазова провозжать пойдёшь?

– Спрашиваешь! – живо повернулся к нему Филиппов.

– Вы в шахматы играете? – спросил Филиппов, когда Яшунский скрылся в коридоре.

– Играю, но не люблю. Нет нужного азарта, – ответил я и тоже вышел из гримёрки.

Рабочие сцены больше всего были заняты в антрактах, а когда шёл спектакль, занимались чем угодно: сидели в комнате монтировщиков, играли в карты, чесали языки, травили анекдоты, а то и выпивали, но по звонку, предупреждающему об окончании акта, бросали всё и бежали на сцену, чтобы заменить или обновить декорацию, когда уже занавес закрыт.

Много интересного можно было услышать в такие часы свободного ничегонеделания. Как-то я спросил Давыдовича, почему мужская и женская гримёрки находятся в разных коридорах?

– Не знаю, почему, но когда-то здесь работала одна знаменитая костюмерша, которая в оба глаза следила, чтобы, не дай Бог, женщина не зашла в мужскую часть. На сцене, говорила, смешивайтесь, а в остальное время «не моги».

– Это Панночка, что ли? – отозвался худой жилистый Вячеслав.

– Она, – подтвердил Давыдович.

– Она, вроде, в своё время была любовницей самого Колчака.

Он же, говорят, бывал в нашем театре.

– Это она, скорее всего, сама выдумала. Ну, подумай, на кой хрен адмиралу какая-то театральная бабёнка? – категорически изрёк Давыдович, отменяя от верховного главнокомандующего белых армий возможную сплетню. – В театре он, говорят, бывал, но любовниц здесь не заводил... А вот что Панночка могла безошибочно разглядеть настоящий талант, впервые увидев артиста – это точно...

Алмазов, о котором говорил Яшунский, попросил Давыдовича взять человек пять ребят и помочь погрузить вещи в контейнер. Согласились с удовольствием. Я тоже попал в эту компанию, чему был, конечно, рад.

– Эх, такой дуэт распадается. Они же с Карасёвым такие овации вызывали, что другим не снилось. Кстати, Алмазов – это псевдоним, а настоящая его фамилия Панюшкин. Неблагодарно.

– А куда он? – спросил я.

– Пашка-то? Да в Москву. Его столичный театр приглашает.

Колька Карасёв обиженный ходит, говорит, что на проводы в ресторан под расстрелом не пойдёт. Карасёв – ладно, а вот другие из стариков почему-то его уход восприняли тоже болезненно: делают вид, что ничего не произошло, а идти на проводы под разными предложениями отказываются.

– Зависть, – заключил Давыдович. – Одна Аллочка Волошина сияет, будто это её в Москву пригласили. Все знают, что Москва – её тайное желание... А что? Она успешная. Может быть и получится.

– А Демидова идёт? – почему-то поинтересовался Леонард.

– А как же? Она же сохнет по Яшунскому. Он уже не знает, как от неё отвязаться. Считает себя соперницей Волошиной, хотя ей до неё как кошке до тигра.

Давыдович рассмеялся.

– Ты чего? – тощий жилистый Вячеслав тоже расплылся в невольной улыбке.

– Потеха, – со смехом проговорил Давыдович. – Главреж про неё сказал недавно, что в ней что-то есть, но это «что-то» прячется так глубоко, что надежды, что «оно» выйдет наружу, почти не остаётся. Какая-то, говорит, нескладная она вся. А помреж добавил с кислой физиономией: «Мужики, хоть бы кто выпрямил её, что ли?» А кто-то возьми и скажи: «Пусть Господь её выпрямляет».

Все, кто оставался в монтажной, грохнули со смеху.

– Это Филиппов при мне Яшунскому рассказал.

– Да Демидовой кроме атаманши в детской сказке «Лапти-самоплясы» другой роли не дают, – злословил Вячеслав.

Я тоже невольно засмеялся, хотя мне стало жалко Демидову, которую я не знал и не видел в роли, но, видно, такова была театральная среда, где царили соперничество, интриги и сплетни; это распространялось и на рабочих сцены, которые тоже считались театральными людьми.

Часов в десять утра мы были у Алмазова. Контейнер ещё не подошёл, и Давыдович распорядился пока стаскивать вещи вниз. Этаж оказался подходящим, третьим. Громоздкого почти ничего не было, кроме пианино. С него решили и начать. Суд да дело, Алмазов предложил по рюмочке. Его жена, Наташа, толстуха с матовым лицом и жирной косой, уложенной на затылке башенкой, посмотрела на него уничтожающе. Ребята было оживились, но Давыдович за всех откачался:

– Не суетись, Паша! Давай дело сделаем!

Жена Алмазова глазами поблагодарила его и, было видно, что она довольна.

Алмазов быстренько замаял это дело, обратившись к жене, и, как бы, давая понять всем, что готовится нечто грандиозное:

– Ты, Маша, ставь картошку, селедочку пока приготовь.

– Делай своё дело! – отрезала Маша.

Пианино тащили вчетвером на верёвках. Предвкушая хорошую выпивку, все были возбуждены, тратили сил больше, чем требовалось, мешали друг другу, но инструмент стащили быстро. Потом без особого труда снесли вниз холодильник, чуть больше провозились с «Хельгой», (хозяйка умоляла не поцарапать и не разбить стекло) и стали таскать уже вразброд мелочь, узлы с кухонной утварью, книги в связках, стулья, кресла.

После перекура стали грузить вещи в прибывший контейнер. Сначала пианино и всё громоздкое, потом узлы, книги сверху. Контейнер оказался вместительным, да и Давыдович знал своё дело туго. Так что, всё влезло, всё было закреплено и готово к отправке.

Пока Алмазов отправлял машину, его жена дала нам умыться и провела в пустой зал, куда поставила старый кухонный стол, который с собой не брали и оставляли здесь. Оставили ещё две старые табуретки и стул. На табуретки положили доску. Сели четверо. Двое разместились пока на подоконнике, но сказали, что за столом постоят. Стул оставили Алмазову.

Закуска была хорошая: жареное мясо, солёные огурцы, яичница, целая картошка. Водки выставили много: Алмазов постарался. Пили и ели весело. Алмазова одёргивала жена, напоминая, что ему вечером идти в ресторан.

– Не беспокойся, я знаю, – повторял Алмазов, но хотя пил и меньше всех, раскраснелся и к концу застолья был не то чтобы пьян, но навеселе заметно.

Когда стали расходиться, Давыдович полез к Алмазову целоваться, по щекам его текли пьяные слёзы, и смазывалось ощущение искренности.

Маша сунула Давыдовичу ещё две бутылки водки с собой. Давыдович одну бутылку поставил себе в карман, а вторую отдал кому-то из ребят. Долго толкались у дверей, жали руку Алмазову, все были растроганы, и всем было всех жалко.

Наконец разошлись.

А вечером, когда поставили декорацию и шёл спектакль, Давыдович, которого Алмазов, как своего человека, тоже позвал на проводы в ресторан, рассказывал:

– Я пришёл вместе с Пашкой Алмазовым раньше всех, чтобы распорядиться насчёт музыки и всё устроить, а Аллочка Волошина уже там. Потом подошли Веронская, Демидова и все остальные. Филиппов пришёл уже поддатый, бледный, только глаза как стовечевые лампочки горят. Демидова была в сапогах на тонком каблуке и в джинсах, подвёрнутых до колен, в обтяг. Представляете, в обтяг с её кормой? Так это ладно. На ней лёгкая кофточка, а под кофточкой, видно, ничего нет.

Все загоготали, реагируя то ли на «корму», то ли на кофточку.

– Это она для Яшунского, – сказал Владислав.

– Слушай дальше, – продолжал Давыдович. – Волошина переглянулась с Пашкой Алмазовым, а я смотрю, Яшунский так это не заинтересованно скользнул по ней взглядом и продолжал травить с мужиками анекдоты.

– Ладно, стали усаживаться за стол. Волошина рядом с Алмазовым, а Демидова уселась напротив Яшунского, потому что место рядом с ним оказалось уже занятым.

Все слушали Давыдовича с большим вниманием и жадным любопытством.

Филиппов произнёс речь. Только я не понял, то ли он хвалит Пашку, то ли ругает. Ты, говорит, не рассчитывай там на цветы и на овалы, хоть ты и актёр хороший, но там, мол, публика тонкая и её наскоком не возьмёшь. Талант, говорит, талантом, но как ты сможешь без Кольки Карасёва? Потом, правда, прослезился и сказал, чтоб не забывал старых товарищей. Махнул полбокала водки и сел.

– А что Алмазов?

– Я думал, он обидится, а он растрогался и говорит: «Спасибо, Федя». Потом всё смешалось, уже никто никого не слушал. Аллочка намертво приклеилась к Алмазову, и они под музыку изображали танго. Филиппов всё пил и даже из-за стола не встал ни разу.

– А как Демидова?

– Да по пьяни чего не случится! Демидова, наконец, добралась до Яшунского, сидела рядом и всё пыталась выпить с ним на брудершафт, а он никак не мог от неё отвязаться...

– А Алмазов-то уехал? – спросил кто-то из компании.

– А его пьяного увезла на такси Аллочка Волошина к себе. У него поезд утром, а жена уехала вечером. Где-то ночевать ведь ему нужно.

Все дружно рассмеялись.

– Филиппов держался за наличник ресторанный окна и трезво орал вслед такси: «Пашка, развратник! Ни хрена из тебя путного не выйдет». Шапка с головы у него свалилась, он никак не мог её поднять, потому что не мог оторваться от наличника.

– А как же он?

– Не знаю. Яшунский надел на него шапку, взял под руку и повёл. Но, главное, – хохотнул Давыдович, – что Демидова от Яшунского так не отставала, и они так и поплелись куда-то рядом...

Объявили антракт. В дверях показалось хмурое лицо помрежа, и он раздражённо сказал: «Быстро на сцену!». Все поспешно повскакали с мест, а я подумал: «Да, мир за кулисами полон загадок, и не всегда приятных, и в бочке мёда всегда окажется ложка дёгтя, а в кругу артистов живут тайны, интриги и полно пикантных историй. За кулисами они – одни, на сцене другие».

КУРС ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

СКАЗКИ УТОПИИ ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ

Шевкет КЕШФИДИНОВ

ВОЛЧИЦЫ

Ржавыми мотыгами поле обрабатывали измождённые женщины и несколько убогих стариков. С каждым днём их становилось меньше. Председатель ругался, когда они отпрашивались к собравшемуся отходить, и не скрывал радости, когда, нарушая все традиции, они в спешке возвращались, чтобы из последних сил продолжить работу.

- Второй день Земине не видно. Не случилось бы чего...
- Всё, что могло, уже случилось.
- Уж да... мёд опять мимо нас пронесли.

Хибары здесь понатыканы далеко друг от друга. Жилище Земине стояло на отшибе. Она не выбирала, поселилась там, куда крикливо указал председатель. Её мало заботили прохудившаяся крыша и заложённые окна. Все мысли об одном: её одиннадцатилетняя Шефика заболела и мучается на постели из кое-как сколоченных досок, едва покрытых худым матрасом. Нет доктора в этих заброшенных местах, как нет и милосердия у председателя-надзирателя.

Земине, чтобы сменить повязку на лбу дочери, разорвала на тряпки белоснежную простынь, которую догадалась взять с собой. Найти бы уксус, чтобы протереть девочку... Найти бы лекарства, хотя бы кумыс...

– Какой странный от неё запах, – сказала громко слепая свекровь.

Свекровь родила пятерых девочек. И был у неё один сын, и он один заслужил её любовь. Остальной мир вызывал у лютой старухи презрение. Она невзлюбила невестку, как только сын указал на неё («Почему, Якуб? Ведь ты мог выбрать любую, а достался ей?»)

Обосновавшиеся здесь ранее обещали, что усталость Земине скоро пройдет. Но она по-прежнему оставалась страшно измотана и, кажется, впервые была готова ударить старуху за её слова, была готова ударить обеих золовок, что, замерев рядом, морщились и шептались.

- Не тронула еду девчонка.
- Не хочет знать еды нашей...

Что сказал бы муж, услышав, как сёстры и мать измываются над его женой и дочерью? Похоронка на него пришла через шесть месяцев после начала войны. Повязав чёрные головы траурными платками, золовки запретили говорить матери о смерти сына. Они писали от его имени письма и по очереди читали их вслух, часто по ночам, когда старуха не могла уснуть.

Отгнав воспоминания, Земине села ближе к дочери. Намочив в глиняной чашке тряпку, она откинула покрывало и с нежностью протирала тоненькие руки девочки, её гладкие подмышки, узкие бедра.

Глаза девочки оставались закрытыми. Земине вдруг поняла, что не узнаёт её. Уловив непривычный, неприятный запах, о котором предупреждала свекровь, она тщательнее начала протирать дочь, миловидную красоту которой болезнь так скоро прибрала себе...

Земине не ходила на работу вчера, не пошла сегодня, не пойдёт и завтра. И хоть по тутошнему закону за помощью обратиться можно только к истошному председателю, пропади он пропадом, харон.

В комнате, где они все вместе обитали, шаркала свекровь. Чтобы она не натыкалась на них, золовки прижались к углам. Старуха слепо ощупывала изрытые трещинами стены и зло хрипела: «Разве таким может быть дом людей? Дом людей таким быть не может...»

До революции их семья считалась знатной, богатой, это был известный на всю округу древний род. Потом, конечно, многое изменилось. Муж свекрови, понимая, что житья ему не дадут, сбежал за море. Обещал, как устроится, перевезти детей. Спустя несколько лет от него пришёл человек, чтобы забрать их, но свекровь отказалась покидать родной дом. К отцу отправились старшие дочери, а две младшие и любимый сын не посмели оставить мать.

Потом были война, голод, снова война. Когда их всех пришли выселять, свекровь надела крупный перстень, последнюю свою драгоценность, и первая взобралась в зелёную машину с крытым кузовом. На перстне том была выгравирована волчица – покровительница их семейного рода. Их, как считала невестка, жестокого, никому ничего не прощающего, никого по-настоящему не любившего рода.

Младший сынок Земине долго мучался перед смертью. Все вокруг понимали, мальчик не выживет – среди них уже ходил печальник, горя за всех, он пел протяжно, тоскливо. И никто не смел остановить его песню, она становилась всё громче, но Земине продолжала бороться за каждый сыновий вздох. Упав в ноги свекрови, она вымаливала перстень с волчицей. Надеялась подкупить им печальника. Свекровь лишь зло отмахнулась. Земине изготвилась горло ей перегрызть, но золовки, бездетные, потерявшие в войну мужей, загородили мать. Перстень остался на руке старухи.

Сына удерживать было нечем.

Когда Земине сама закрыла ему глаза, появилась волчица. Та самая... Она бережно взяла мальчика, чтобы унести к себе.

Земине не могла смириться. Она бежала за нею, и всё казалось, что ещё рывок – и она догонит, и всё испра-

вит... В многодневной погоне Земине запомнила, что у неё осталась старшая дочь. Опомнилась, когда Шефика, увидев чёрное солнце за горизонтом, начала падать в лихорадке, и, падая, взмолилась матери...

Издали снова слышалась песня печальника. Он возвращался. Он шёл за девочкой Шефикой.

Золвки, не сговариваясь, обнажили седые головы и выступили навстречу печальнику, пытаясь преградить дорогу платками. Печальник не замедлил свой ход и не прервал свою песню.

– Посмотри на меня. Посмотри на меня, – требовала слепая свекровь у лежавшей в беспомощности Земине.

Старуха больно щипала невестку. Очнувшейся женщине свекровь указала на улицу, по которой к ним направлялся печальник. Земине, почувствовав прилив сил, источник которых знаком каждой матери, рванулась навстречу к тому, чья песня звучала всё ближе.

– Не-е-е-т! Не-е-е-т!

Она кричала долго, яростно. Никто не рискнул бы её остановить.

Екатерина МОРДОВСКАЯ

ВОЛШЕБНЫЙ ТРАМВАЙ

Я живу в небольшом городке на побережье. Рядом раскидано много других, похожих на наш, одинаково пахнущих сардинами и солёным ветром. Но наше место – особенное.

Сейчас поймёте, почему.

Первый раз я сел в этот трамвай, когда мне было семь лет. Был четверг – рыночный день. Дедушка и я, нарядно одетые, вышли в город. На самом деле покупки не были самоцелью, главное было – встретиться со знакомыми, поболтать о жизни, узнать местные новости. Дед планировал встречу с друзьями в баре за стаканчиком вина, а я предвкушал румяные пончики с какао. Ещё я очень хотел упротить деда купить мне воздушные шарики, которыми торговала толстая цыганка. Обычно она сидела на раскладном стуле, разложив свой блестящий сорочий товар, а сзади колыхалась разноцветная связка крупных шаров. Когда дул ветер, они отчаянно рвались в небо, и я боялся, что цыганка взлетит вместе с ними в облаке развевающихся юбок.

Моя бабушка бы не взлетела: она очень крепко стояла на земле. Вот и сейчас она осталась дома готовить обед. Сказала, что приготовит мой любимый фасольевый суп, жареную мерлузу и на десерт – рисовый пудинг. Когда мы уходили, она вручила список покупок, где значился вереск, и это меня удивило. Обычно бабушка сама собирала травы в горах, пропадая на целый день. Я должен пояснить здесь: помимо того, что бабушка была хорошей кухаркой, она занималась ещё и врачеванием. Её травы пользовались популярностью: соседи прибегали за настоями от давления, мазью против артрита, и почти все просили Иерехонскую розу – цветок возрождения, что имел резкий запах камфары.

Некоторые в нашем городке побаивались её, называя колдуньей. Говорят, когда одна глупая женщина сказала что-то неприятное о бабушке, в ту же ночь к ней во двор

И в этот раз Земине перекричала песню печальника.

На заре здешние заброшенные места посетил живой. Им оказался Якуб, всё такой же красивый, как и до войны, слишком красивый для мужчины. Он искал хибару на отшибе.

В это же время председатель, размахивая обрубком вместо левой руки, истошно призывал на полевые работы. Измождённые женщины и несколько стариков отозвались на его крик. Проходя мимо, Якуб мог учуять тлетворный запах, исходящий от них, но не мог узреть их смертельно усталых лиц.

Встретившийся на пути печальник рассказал, что первым от голода угас сын Якуба, сразу за ним ушла Земине, жена Якуба, потом не стало обеих сестёр. За жизнь упорно цеплялась слепая мать Якуба, но до возвращения сына ей сил не хватило.

Шефика лежала на кое-как сколоченных досках. На её тоненьком пальце блестел не по размеру крупный перстень с выгравированной волчицей. Когда Якуб склонился над дочерью, девочка открыла глаза.

явилась ласка и передушила всех кур. А в другой раз старик отказался помочь донести тяжёлые сумки с базара, и к нему набежало стадо диких кабанов, перерыло весь огород, и все его труды пошли насмарку. Думаю, что все эти истории были выдумками, глупыми сплетнями или просто случайными совпадениями. Но с тех пор ей больше не нравилось ходить на рынок. Предпочитала быть дома, проводила время на кухне и кормила котов, которые приходили к нам во двор со всей округи. Они втекали в двери, просачивались в окна, уютно располагаясь в тёмных прохладных комнатах.

Наш дом был старым. Толстые каменные стены уже кое-где потрескались, в ванной разбухшее от сырости окно перестало закрываться. В гостиной стоял каштановый буфет с фарфором цвета молока. Тяжёлые бронзовые подсвечники использовали во время ужина, стены были увешаны картинами на морскую тему: величественный галеон с белоснежными парусами, башня Геркулеса и любительские виды на нашу бухту. Напротив окна на стене мерцало древнее зеркало, отражая свет, поглощая пространство и преломляя время.

Но я отвлекся немного. Итак, мы с бабушкой вошли в вагон, нашли места посередине, я удобно устроился у окна, и трамвай, задорно тренькнув, весело покотился по рельсам.

Я захватил с собой любимую машинку, вынул её из кармана, построил маршрут по коленкам, свернул на сиденье, поднялся на спинку переднего. Там сидела девушка с длинными рыжими волосами. Неожиданно колёса машинки запутались в её волосах. Я испугался и начал осторожно освобождать игрушку. Когда, наконец, достал её, девушка повернулась ко мне, и я онемел: на меня глядела лошадь с пышной гривой. Большие глаза с длинными ресницами дружелюбно смотрели на меня, и тёплые губы растянулись в улыбке, обнажив крупные зубы.

– У тебя есть сахар? – спросила она меня.

Я не смог ответить, только помотал головой.

– Я поделюсь с тобой.

Я обратил внимание, что, несмотря на лошадиную голову, тело у неё было обычное, человеческое. Она протя-

нула мне белый маленький кубик на узкой ладони с красивым маникюром. Я взял, машинально поблагодарил и взглянул на дедушку. Какой ужас! Вместо дедушки я увидел седого лохматого, но очень симпатичного пса. Он погладил меня по голове тяжёлой рукой и, поведя носом, объявил: «Через две остановки выходим!»

Я оглянулся вокруг. Трамвай был полон неожиданных лиц. Казалось, будто здесь собрались самые разнообразные животные. Мужчина в голубой рубашке с головой льва беседовал со своей соседкой – молодой женщиной с длинной шеей и головой жирафа. Две хорошо одетые сеньоры – свинья и корова – обсуждали что-то, оживлённо жестикулируя. Позади громко смеялись молодые орангутанги с набриолиненными волосами. Старик с головой осла дремал, смешно причмокивая губами во сне. Была мать-кошка с двумя близнецами-кроликами, девочкой и мальчиком. На правом ушке у девочки сиял розовый бантик.

Меня вдруг охватила безудержная радость, странное возбуждение заставило вскочить. Я попытался разглядеть водителя: произошли ли какие-нибудь изменения и с ним?! Да, за рулём сидел бегемот! Время от времени он протирал вспотевшее лицо большим скомканным носовым платком.

Всё это походило на невероятное представление, словно я находился в цирке с чудесами и метаморфозами. И тут я задумался: а я тоже изменился? И если да, то кто же я теперь? Подёргал дедушку за рукав пиджака.

– Дедушка, а я кто? – я подпрыгивал от нетерпения.

– Видишь ли, весь фокус в том, что ты не можешь видеть себя. И никто не может видеть нас такими, какие мы есть в действительности. Обычно нас воспринимают

так, как мы выглядим, а не так, как мы себя чувствуем.

– Но ты же можешь видеть меня! Скажи! – я рассердился.

– Да, но я люблю тебя, а глаза тех, кто нас любит, всегда видят немного по-другому. Например, сейчас ты для меня – ягнёнок. А на самом деле ты можешь быть волком или котом. Здесь ты меняешься каждый раз, в зависимости от состояния твоей души.

– Я что – волк? – я очень удивился.

– Ну не знаю. Возможно, слон. Кем ты сам себя чувствуешь?

– Ээ, ну возможно, я... Я – тигр? – я попытался разглядеть себя в оконном отражении. Но солнце светило ярко, улицы снаружи были залиты воздухом, и весь этот плотный день утопал в разноцветных бликах.

– Я – тигр! – Я высунулся из окна и начал махать всем прохожим подряд. Увидел девочку в красном платьице, которая от неожиданности выронила мороженое; увидел, как пара туристов (похоже, что немцы) внезапно остановились, глядя на меня. Мужчина торопливо начал доставать фотоаппарат из сумки. Я смеялся, захлебываясь радостью, что щекотала меня внутри, делая невесомым. Солнце вспыхивало на моём лице оранжевыми брызгами, я чувствовал свои пушистые ушки, нежный влажный нос. Я хотел остаться таким навсегда!

Секрет нашего городка заключён в этом трамвае. Он и сейчас ездит по улицам, сверкая красными пузатыми боками. Но его номер и маршрут я вам не скажу! Потому что вы сами должны найти это местечко и этот трамвай, чтобы однажды встретиться с самим собой и узнать себя в сильном медведе, тревожной сойке, усталой черепахе или хрупком фламинго.

Елена АНУФРИЕВА

НОВЫЙ ДЕНЬ

Рождается день. Дыхание моря неторопливо – глубокий вдох, протяжный выдох. Ветки сосен покачиваются в такт. Лёгкий ветер освобождает от сонного покрова скалы, небрежно нарезая туманную пелену.

Обнажённое тело спящего мужчины тихо покачивается на широченных – в ладонь – проржавевших цепях, намертво всаженных в скальную породу. Тяжёлые веки приоткрываются, затуманенный взгляд встречает ослепительную палитру синевы – от кромки морского берега до купола безоблачного утреннего неба, смыкающегося где-то над головой. По безупречному лицу пленника пробегает судорога. Он стремительно закрывает глаза, прогоняя безмятежное видение. Глубокий вдох, резкий выдох – воздух со свистом вырывается из груди, усилие воли разглаживает морщины, надевая на лицо временную маску отрешённого умиротворения: оно продолжается всего несколько секунд, мужчина вновь открывает глаза.

Металл врезается в чуть затянувшиеся со вчерашнего дня раны на запястьях, струится кровь, грудь вздымается точно меха, цепь с лязганьем бьётся о скалу от бесплодных усилий освободиться и под конец начинает раскачиваться по инерции, успокаивая, как младенца,

тихо стонущую от ярости и бессилия груду мышц титана с иссиня-чёрными глазами. Несчастный приговорён к абсолютному одиночеству. Невидимый и неосозаемый для мира, он болтается среди скал, проживая без единого свидетеля раз за разом от первой до последней минуты очередной безмятный день.

Временные ходики не остановились из-за страданий одного, спасительная глухота и жизнелюбие вращают шарик – минул рассветный час, жизнь идёт своим чередом. Майский жук нелепо натывается на куст, зависший на краю каменного карниза, отпрыгивает назад и повторяет траекторию движения, врезаясь во второй-третий-четвёртый раз, наконец, отскакивая прямо в клюв подлетевшей птицы: не способен учиться – пропадёшь.

В привычном многозвучии жаркого дня вдруг слышится колокольчик. Его мелодичные переливы переплетаются с чуть слышным шелестом травы, смешиваются с тягучим ароматом цветов. Вторит колокольчик зною – динь...динь...д...е...н...ь.

Метрах в десяти справа под каменным карнизом из буйных зарослей кустов выныривает здоровенная лохматая псина с колокольчиком на ошейнике. Поводит мордой и быстро начинает снова от одного куста к другому, что-то вынюхивая и недовольно рыча. Растревоженная мелкая живность спешно прячется под камнями, в расщелинах, только бы скрыться подальше от фырчащего чудовища. Вслед за псом из кустов показывается гиб-

кий девичий стан. Тёмные волнистые волосы, стянутые в крепкий узел, светлые карие глаза, прямой профиль и ямочки на щеках. Девушка прекрасна, как лёгкое дыхание ветра в разгар знойного дня.

– Что ты тут вынюхиваешь? – смеётся она. Тонкой рукой обвивает шею собаки, нежно потрёпывая за ушами. Ответный взгляд полон обожания, пёс безропотно подставляет свою морду под ласковые руки, чуть повизгивая от удовольствия.

– Ох, далеко мы сегодня с тобой забрели! – девушка выпрямляется, делая шаг назад к каменному карнизу, чтобы спрятаться от солнца. – Похоже, полдень. Как же жарко! Давай-ка передохнём в тени и назад, чтобы дотемна успеть домой, – с этими словами девушка присаживается на большой камень у самых ног невидимого для её взора титана.

Её глаза устремляются к далёкой линии горизонта, на лицо ложится нежная задумчивость. Титан не может отвести от неё взгляда: это первый человек, потревоживший его уединение. И не просто человек – девушка. Сколько времени она провела у его ног, неизвестно, но то были первые счастливые минуты за всё время его бесконечного плена. Наконец она встала, повязала платок и уже была готова уйти. Конечно, она не могла услышать молитвенное «не уходи, пожалуйста, не уходи», разрывавшее его грудь, стучавшее в висках. — «Не уходи! Прошу тебя!» Её взгляд коснулся пустоты ровно в том месте, где чернели его молящие глаза, и замер.

Несколько секунд против вереницы веков! Непонятливый пёс уткнулся мордой в сомкнутую ладонь, прихватил зубами платье. Пора уходить. Уже наполовину исчезнув среди зарослей, девушка внезапно подняла голову и бросила прощальный грустный взгляд в пустоту. Что она там увидела или почувствовала? Женщины – странные создания: иногда кажется, что хоть они и не видят, а всё равно знают.

Её уход и прощальный взгляд окончательно подорвали и без того слабые душевные силы титана: волна леденящего ужаса захлестнула сознание, унося его вдаль.

Чертовски холодный ветер гуляет вдоль берега, позимнему бескрайнего и пустынного. Его гул прорезают противные крики чаек – злятся – разбрасывает он их, словно бумажных, в разные стороны. Песок будто камень,

перед ним полоса талого снега вперемешку с чёрными водорослями, по которым прыгают кричащие вороны, а дальше у самой кромки воды ледяные глыбы – волны, что сильнее всего ударились о берег и не успели ускользнуть обратно – примёрзли. За глыбами ещё просматривается серая морская гладь, но, не пройдёт и часа, она сольется с чернеющим небосводом и станет зияющей дырой – до первой звезды.

Надвигается темнота – мрак готовится окутать землю, подарить желанный отдых в преддверии нового дня для всех, и только для него – безымянного. Отчаяние, рывок цепи – намертво, глухой стон. Слышится шум крыльев – летят. Судорожное напряжение мышц, закрытые глаза – и обнажённая фигура становится подобной каменному изваянию, высеченному гениальным безумцем прямо в скале.

Огромные жёсткие крылья, длинные острые когти, хищно загнутый клюв, который беззвучно раскрывается во время полёта, будто птице не хватает воздуха, всё ближе и ближе – настигают. Клюв пробивает броню отрешённости, крылья отгоняют призраков прошлого, под острыми когтями безжалостных птиц рвётся плоть, крошатся остатки надежды на избавление. Титан, как и прежде, безропотно отдаётся в их власть. Внезапно липкий мрак мучения прорезает тончайший луч света – воспоминание. Среди мрака сияют прекрасные женские глаза. Встрепенувшись словно ото сна, он невероятным усилием воли сбрасывает с себя ненасытных тварей и открывает глаза. Птицы, застигнутые врасплох его отпором, начинают неистово кружить над ним, исторгая из глоток пронзительные злобные крики. Грустная улыбка касается его лица. Изумлённые птицы прерывают полёт, пикируют вниз и присаживаются на каменный карниз. Он с глубочайшим раздражением впервые хорошенько их рассматривает: взъерошенные, уставшие, какие-то неприкаянные. Минуту спустя он понимает, что они изо всех сил стараются поймать его взгляд. В их глазах его безымянный день: метания, боль, ожидание и... страх! Не выдержав спокойного взгляда, птицы стремительно взмывают и навсегда улетают прочь. Выдержавший битву титан смотрит в надвигающуюся темноту и наконец-то видит в ней начало нового дня.

Элина ЛЁВИНА

ТЯНУЧКА

Васька Бегунок торопился выйти из города до сумерек: в отряде ждали донесение. Но на площади у аптеки попал в облаву. Сам виноват: заметил старьёвщика и рванул как к родному.

В мирное время на протяжное «старьё берём-покупаем» детвора слеталась со всех окрестных дворов. В ход шли рваные галоши, ветошь и стеклотара. За шесть чисто вымытых бутылок старьёвщик давал ириску-тянучку. Васька умудрялся сторговать две за десять и был кумкоролём: одну, изнемогая от наслаждения, съедал, вторую менял.

На третий год войны у людей никакого барахла не

осталось, но деду на кляче власти разрешили собирать мусор и коробейничать.

Нынешняя, сильно полегчавшая конфета стоила пачку патронов, но Васька не стал рядиться, рысью помчал на окраину, где прятал «лимонки», «цинки» и даже один ПППШ. (лимонки – гранаты, цинк – ящик с патронами, ПППШ – пистолет-автомат Шпагина.) Бегунок слыл знатным мелялой и в городе, и в лесу.

Как только заветная тянучка, обваленная в махорке, оказалась в Васькиных руках, площадь заполонили эсэсовцы. За ними подтянулись здоровенные ГАЗВАГЕНЫ – «душегубки», наводящие ужас на весь город. Васька пихнул ириску за пазуху простреленного ватника, прям в донесение, и зайцем метнулся к прорехе в немецкой колонне, но наткнулся на автомат.

На пяточке бились бабы, старики, дети. И лишь один человек спокойно отвешивал поклоны. Одет он был чуд-

но: бабий платок на голове, на лбу чёрная маленькая корбочка. «Неужто Лифшиц-аптекарь?» Точно, именно этот наряд ошеломил Ваську, когда он в первый раз пришёл в аптеку. За год до войны.

...Лифшица не любили – мрачный, чёрный, уткнётся птичьим носом в книгу и бормочет. Когда мать велела носить в аптеку отмытые до скрипа бутылки, Васька порядком струхнул. Ребята болтали, мол, чернокнижник этот Лифшиц, колдун и маг.

И правда, в маленькой, размером со шкаф, подсобке аптеки Васька обнаружил настоящего мага: замотанный в белую тряпку Лифшиц шептал заклинания и тряс головой. Бутылки в сетке тонко звякнули – аптекарь раздражённо зыркнул на посетителя. Пересчитал тару, сунул Ваське мелочь и выпихнул прямо из «шкафа» на улицу. Мать потом на эти копейки напилась и тоненько тянула «иии, жидыбы-христоравцы», но подработку не бросала, раз в три дня посылала сына с бутылками в аптеку.

Однажды Васька увидел там кудрявую девочку в лёгком пальтишке и лакированных чёрных туфельках. Она сидела на столе, где Лившиц обычно раскладывал рецепты, тянула пальцами изо рта ириску и строила рожи. Зелька, так звали внезапно объявившуюся внучку Лифшица, была совсем не похожа на деда: рот вообще не закрывала.

Капризная, вертлявая – аптекарь иногда запирали её в подсобке, чтоб не мешала, но быстро выпускал – Зелька выла, скреблась, вопила даже. Васька не раз заставлял её концерты и сочувствовал колдуну.

В начале войны умерла Васькина мать-пропойца. В тот день евреев гнали в гетто и мальчишку с гробом на телеге надолго тормознули посреди улицы. Жара стояла несусветная, евреи в тёплых пальто и даже шубах брели, обливаясь потом. Среди всех выделялся Лифшиц – в белой рубашке, без шляпы, босой. Рядом, цепляясь за хлястик подтяжек, семенила Зелька. Васька даже привстал на телеге, чтоб лучше разглядеть эту парочку. Лифшиц мгновенно зацепился глазами за него, лошадь, гроб. Проходя мимо телеги, незаметно, но резко толкнул внучку вниз. И зашагал легко и беззаботно в колонне соплеменников.

С тех пор Зелька молчала – в подвалах, где прятались от облав, в топких болотах, в партизанском отряде. Там, среди бывших полицаев и окруженцев, сошла за немую.

В лесу им жилось несладко – кому нужны сироты, но Васька зубами выгрыз должность связного. Он был барыгой, разведчиком, мгновенно запоминал цифры, хорошо стрелял и быстро бегал. И Зельку не давал в обиду. За каждую «жидовку» дрался насмерть со здоровыми мужиками, которые швыряли его как котёнка, но в следующий раз языки прикусывали. И потом осторожничали: томышь в кулеше (*кулеш – похлёбка с пшеном, салом, едят в Белоруссии и Украине.*) найдут, то махорка промокнет – Зелькины «подарочки». А она тряпки в лазарете перестирала, раненых накормит и сидит истуканом, ждёт своего Ваську.

...Эсэсовцы теснили обезумевших людей к душегубкам, почему-то не задевая аптекаря. Мысли Васьки бились в такт толпе: «Он что, выжил? Всех евреев давно расстреляли! Немцы его не видят?» И точно, один из них шагнул сквозь Лифшица, чтобы огреть прикладом визжащую рядом бабу. Аптекарь же, отвесив последний поклон, обернулся к остолбеневшему Бегунку и мотнул

головой в сторону аптеки. Потом, легко торя дорогу им обоим, подвёл и впихнул Ваську в ту самую подсобку, похожую на шкаф...

...Вернувшись в отряд под утро, Васька первым делом отправился к лазаретной землянке, где, притулившись к брёвнам и обняв замотанный в тряпку котелок с кашей, дремала Зелька. Васька опустился на колени, вытащил из-за пазухи донесение, соскрёб с листа расплывшуюся тянучку и принялся осторожно её очищать.

Зелька открыла глаза и уставилась на конфету. Блаженно пробормотала «тянучкаааа» и, не обращая внимания на перевернувшийся котелок, обняла Ваську за шею. И потом не закрывала рта: всё рассказывала, как ждала и верила, что он вернётся. И даже тянучка не мешала ей болтать.

Мобильный всхлипнул последний раз и отключился вместе с джипом, уставшим нырять в воронки от снарядов. Катя вытащила из люльки Васю, приоткрыла дверь и осторожно ступила на дымящуюся площадь. Артобстрел продолжался, но взрывы были всё глуше. Василиса проснулась и начала копошиться в тёплой Зелиной кофте, которую в последний момент Катя накинула на себя.

Из-за новостроек, окружавших площадь возле старой аптеки, вынырнул бронетранспортёр, следом ещё один. Катя сползла на землю по бамперу машины, понимая, что вот он, конец. И впервые порадовалась, что бабки Зели, вырастившей и любившей её без памяти, уже год как нет на свете.

Дочка всё также терпеливо сражалась с кофтой, выискивая грудь. И вдруг около полыхавшей невдалеке шины показался мальчишка лет тринадцати, он махал рукой, подзывая. Катя обречённо оглянулась на приближающееся зелёное чудовище и из последних сил рванулась к пацану. Перепрыгивая через ямы и колдобины, они неслись к аптеке. Через минуту оказались в каком-то шкафу, заваленном пожелтевшими аптекарскими бланками и разбитыми бутылками. Мальчишка очистил от осколков нижнюю полку, помог им с Василисой забраться туда, затем, плотно прикрыв дверь странного шкафа, исчез.

Позже, в лагере беженцев Катя снова и снова восстанавливала тот день и переживала встречу со своим спасителем. Босой, в дырявой с торчащей наружу ватой, куртке и замурзанных коротких штанах, он выглядел странно, как будто выпрыгнул из чёрно-белой хроники прошлого века.

Катя терпеть не могла военные фильмы и парады, потому что у Зели от них всегда портилось настроение. Она не любила вспоминать войну и сиротское детство в партизанах. Но, рассказав однажды про Бегунка, уже не могла отбиться от внучкиных просьб: «Ещё про Васю!»

Историю с тянучкой маленькая Катя знала наизусть, только конец всегда переделывала: Бегунок не подорвался на mine в конце войны, а наоборот, они с Зелькой выжили, выросли и поженились. И на свадьбе всех угощали конфетами.

...

Тянучки эти, завалившиеся в Зелиной кофте, очень выручили их с Василисой в том самом шкафу: сначала молоко от сладкого прибыло, а потом, до прихода Красного Креста, фантиками играли, отвлекались.

Мари ПОЛЯКОВА

Живёт в г. Симферополе. Член Союза писателей Крыма.
Автор двух сборников стихотворений: «Я дарю вам свой мир» (2018) и «Светотени» (2020).
Публиковалась в коллективных сборниках, различных альманахах и журналах.
Лауреат и дипломант Всероссийских и Международных конкурсов.

НЕПРЕДСКАЗУЕМА, ПРЕКРАСНА И ЧИСТА

ПО ВАГОНАМ!

По вагонам!..
Уехать бы дальше
из гнетущей глухой пустоты
в край, где небо и горы без фальши,
где рассвет и закат из мечты,

где костры, котелок и гитара,
и дорога для нас между звёзд,
где не смотрят, насколько ты старый,
и не знают – ты бомж или босс...

где по-братски поделят консервы,
где усталость твоя – не пустяк,
где в цене не рубли и не евро...
только-так, только-так, только-так.

Я не знаю, что нынче важнее –
кто-ты-есть, ты-откуда-куда?
Подождать или быть посмелее?
Ти-ги-да, ти-ги-да, ти-ги-да...

НОСТАЛЬЖИ

Старый дом, извини, расставанье грядёт –
реновация! Всех из «хрущёвского рая»
выселяют. Куда? Очень грустный исход.
Хорошо, хоть сто первый нам не обещают...

Переезды и сборы терпеть не могу
и съезжать собираюсь как будто условно,
очень хочется взять ненадолго отгул
и слегка заблудиться в страницах альбомов.

Возвратиться в беспечное детство на миг,
для чего-то побыть в этом сладком обмане,
перечитывать снова названия книг
и случайно найти в небольшом чемодане

чёрно-белые снимки актёров кино
(как мелькали они на киосковых стёклах!),
чьи-то письма (уже пожелтели давно) –
перевязана ленточкой толстая стопка...

Вспомнить то, что когда-то случайно забыл,
в земляничных полях погулять невидимкой,
и достать из конвертов любимый винил,
и Битлов на голубеньких мягких пластинках.

ТЕБЕ, ЮНОЙ

Непредсказуема, прекрасна и чиста,
твой каждый день, как новая страница,
спешишь, бежишь, минуты не сидится –
всё заново, всё с чистого листа!

А я не попеваю за тобой,
моя неугомонная пичуга,
не совпадаем, злимся друг на друга –
то ритм один, то слышен разнобой...

Когда ты вдруг становишься грозой,
что мчит, беспечно молнии швыряя,
примерив маску тютчевского мая,
любуюсь этой дикой красотой...

И в этом есть неотвратимый рок,
и за тобой никак мне не угнаться –
ведь мне уже давно не восемнадцать...
Дай Бог тебе, пичуга, дай-то Бог!

Я не устану жизнь благодарить
за каждый день и каждое мгновение,
за радость встреч, минуты единения.
за то, что я учусь любить и жить.

Я не устану жизнь благодарить
за все потери, горести, невзгоды,
за расставанья, одиночество и годы.
За опыт, за умение простить...

За всё, что выпало, и всё, что предстоит.
За всё, что не сбылось, и за свершения.
За каждую строку и вдохновение...
За этот краткий на земле визит.

Александр КРОТКО

Родился 19 октября 1980 года в Крыму (г. Симферополь).
Поэт, прозаик, журналист. Член Межнационального
союза писателей Крыма. Член "Крымского Союза жур-
налистов этнических средств массовой информации".
Творческий путь начал в 2001 году. На данный момент
вышло 13 книг автора. Лауреат литературной премии
имени Николая Алексеевича Кобзева.

Я НЕ УСТАНУ ЖИЗНЬ БЛАГОДАРИТЬ

Марина СЕРГЕЕВА*Член Союза писателей Республики Крым.**Главный редактор крымского литературного журнала «Белая скала».**Редактор городского общественного объединения Арт-клуб «Февраль» г. Саки Республики Крым. Член жюри Всероссийского историко-литературного конкурса «Морская история России». Победитель Международных литературно-музыкальных фестивалей. Победитель регионального фестиваля «Осеннее многоцветье – 2020» (г. Прокопьевск-Кузбасс).*

ПРОСТО ТАК, БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ, ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ В ЗАКАТ

ЗАЧЕМ

В моё окно стучится вьюга,
а в доме тихо и тепло.
Мы можем, милый, друг без друга,
и на душе моей светло.

Бредёт бессонница по кругу,
и в бесконечности ночей
уже мы можем друг без друга,
о днях ушедших не жалеи.

И пусть наш сад под снегом умер,
и наша мальва умерла.
зато мы можем друг без друга.
Уснула тёмная ветла.

Я выбираюсь из недуга,
из пекла огненной печи...
Смогли мы быстро друг без друга
ожоги в сердце залечить.

Пророча близкую разлуку,
минуты, месяцы и дни
нас отучили друг от друга
и прочь в молчании ушли.

И всё бы славно... Гаснут угли,
дрожа предутренним теплом.
Но вот зачем мы друг без друга?
Лишь вьюга стонет за окном.

ПРИГЛАШЕНИЕ*Доченьке Катюше посвящается*

Как свободная минутка, заходи ко мне в зарю –
абрикосовым вареньем с тёплой булкой накормлю,
будем пить из самовара, как прабабушка твоя,
чай цейлонский из стакана, подстаканником звеня.
А потом примеришь новый сарафан из бирюзы,
что связала я из пряжи тонких нитей дождевых.

Отодвинув занавески, мы посмотрим из окна
на рябиновые ветки, на леса и на моря.
И на розовые стены прыгнет лучик золотой,
закружит, закаруселит у тебя над головой,
а потом тебя за плечи я тихонько обниму,
тайны дум твоих сердечных я не выдам никому.
Посмеёмся и поплачем над бедой очередной,
ничего она не значит, если вместе мы с тобой.
А потом опять в дорогу ты отправишься туда,
где за дальней синей далью никогда я не была.
Ты уйдёшь, и от порога посмотрю я, не дыша,
как с тобою белой чайкой полетит моя душа.
И однажды в воскресенье, как мгновение назад,
Просто так, без приглашенья, ты придёшь ко мне в закат.
Посидишь у самовара и посмотришь на леса,
и на розовые стены прыгнет лучик из окна.
Покружит, покаруселит у тебя над головой
и замрёт, и скажет тихо:

– Всё в порядке, я с тобой.

СТАНЬ ПЕСНЕЙ

Всё, что между нами, не запятнано
сплетнею, изменою, молвой,
только ты не стань моей утратою,
в осень отгоревшею листвою.

Пусть с тобой мы не построим терема,
сына ждать не встанем у крыльца,
только ты не стань моей потерей,
безымянной тенью без лица.

Сколько звёзд ещё зажечь осталось нам?
Сколько рук согреет их тепло?
Только ты не стань моей усталостью,
чтобы лето мимо не прошло.

Поднялись над полем птицы стаями,
разорвали розовую рань.
Я прошу: не стань моим отчаяньем,
задушевной новой песней стань...

Алёна ЛЕНЖЕТОВА

Родилась и проживает в Севастополе. Член Севастопольского отделения Союза писателей России, Севастопольского ЛитО им. Озерова, Союза писателей Крыма, лауреат многочисленных фестивалей (обладатель ряда Гран-при). Публикуется в журналах и альманахах поэзии и прозы. Начинающий бард.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ В БЛАГОСТНЫЕ ДАЛИ

АНГЕЛЫ НА ЗЕМЛЕ

Житьё наше просто. Обычные люди.
А в чьих-то глазах мы немного смешные.
Не пекари, не лесорубы, не судьи,
Не лекари даже. Мы просто портные.

Мы штопаем души, что будто бы молью
проедены страхом, усталостью, болью.
Сошьём доброту, лишь бы нитки не рвались,
а выкройки нам по наследству достались.

По меркам старинным любовь и заботу
мы шьём и кроим неустанно прощенье.
Без усталости делаем нашу работу,
а радость в глазах – это вознагражденье.

Не воины мы, силы нет и отваги.
Зачем нам щиты, и кольчуги, и латы?
Мы даже не знахари, даже не маги.
На дырах вселенной мы ставим заплатки.

ЧТО СТАЛО С НАШЕЙ РУСЬЮ ДРЕВНЕЙ

Сквозь время в благостные дали
гляжу в сгущающейся мгле:
Славяне предков восхваляли
и кланялись сырой земле.
Чисты душой и духом сильны,
непримиримые в бою,
здесь проливали кровь обильно
за землю – Матушку свою.
Здесь волю Божию вершили,
когда Благая Весть пришла,
и Русь святую озарили
церквей золотые купола.
И, снова предков почитая –
о том же говорил Христос,
родную землю защищая,
хоругви к небесам вознёс
народ. И славные победы,
в полях преследуя врагов,
добыли прадеды и деды,
что Богородицы Покров.

Что стало с нашей Русью древней?
Степь одинока и нема.
Опустошённые деревни,
осиротевшие дома.

Дорога поросла крапивой,
могил заброшенных кресты
чернеют, за плакучей ивой
над речкой сгнившие мосты.
Недавно песни здесь звучали,
гармошка слышалась в ночи,
а в избах колыбель качали,
хлеб доставали из печи.
Теперь картины нет печальней:
поля, заросшие травой,
скрипят распахнутые ставни,
да горько плачет домовый.

С надеждой в благостные дали
гляжу в сгущающейся мгле:
славяне вновь мудрее стали,
сплотились на родной земле.

РУКОДЕЛЬНИЦА

Моя вечерняя печаль –
моя родимая сестрица,
я стану вышивать учиться,
ты полотно мне накрахмаль.
Не ладится цветной узор.
Дрожит рука. Вот незадача!
С сестрицей я своей судачу –
веду с печалью разговор.
Надежда – голубая нить –
ложится ровно и прилежно.
Она поёт, как птичка, нежно.
Её из клетки отпустить
хочу. Кричу тебе: "Лови,
порадуй сердце на изломе,
когда всё рухнет в погроме!"
Вот нитка красная любви –
то ляжет гладко и легко,
то вдруг застрянет узелками.
Неодолима веками
тоска в разлуке... Далеко
мы друг от друга, но близки!
Душа в душе! Что мне затворы?!
Я вышью для тебя узоры,
смогу распутать узелки.
Но снова вглядываюсь вдаль.
Прошу тебя во сне присниться.
А рядом верная сестрица –
моя вечерняя печаль.

Елена ДАНИЛОВА

Родилась в 1968 году в г. Коммунарске Луганской области. Окончила Makeевское педучилище, позже Крымский государственный университет им. Вернадского. В настоящее время живёт в городе Саки, работает учителем начальных классов в МБОУ «Школа-лицей им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова». Руководит Арт-клубом «Февраль». Член правления РОО «Союз писателей Крыма».

Я ВЧЕРА ОБНИМАЛАСЬ С ЛУНОЙ

ЗАПАХ РОДИНЫ

Вьётся змейкой дорога железная
по моей разноцветной судьбе.
Степь донецкая, степь безбрежная
позвала меня снова к себе.

Босоногостью детства резвого,
что играло седым ковылём.
Птахи маленькой звонкой песнею
да коралловых маков ковром.

Ветром вольным взметает волосы
да туманом скрывает путь...
Чувство Родины маминым голосом
шепчет тихое: «Не позабудь»...

ПОДАРОК ЛУННОЙ НОЧИ

Я вчера обнималась с Луной
и ходила лунной дорожкой.
Ног моих касался приборой
и слегка щекотал подошвы.

В тишине этой лунной ночи
лишь цикад раздавались трели.
Звезды вальс танцевали во мгле
и костра угли тихо тлели.

Море, звезды, покой, тишина...
С вами рядом беды пропали.
Благодарна тебе я, Луна,
за тот вечер, что был подарен.

ОСЕНЬ – ЗОЛОТОЙ СОМЕЛЬЕ

Осень разливала вино
в хрустали озёрных бокалов.
«Белое» смешала с «Бордо»,
чтоб оно янтарнее стало.
Крымских можжевельников шлейф,
сладковатый привкус ранета,

осень, золотой винодел,
заплела как строки сонета.

Осень разливала вино
в хрустали озёрных бокалов.
Расстелив листья полотно,
в гости всех к себе зазывала.
Яблочный упругий веночек
весь пронизан струнами света.
Осень приняла его в дар
от трудолюбивого лета.

Словно виртуоз-сомелье
осень то вино разливала.
Золото роняя на дно
хрустали озерных бокалов.

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Желтоглазым котом подбирается
ночь ко мне.
Сны, укутавшись в шаль,
ждут приятной вечерней встречи.
Вот последний луч солнца
на миг написал в окне,
что исчезла печаль, и любовь озарила вечер.

Лёгким бризом, туманной вуалью
влечёт меня
раскрасавица ночь, приглушая шаги и речи.
Я спешу на свидание к морю, где бьёт волна,
рассыпаются звёзды,
и шепчется с ними ветер.

Я бегу на свидание к счастью, что верно мне,
и на мокром песке вижу письма
своих желаний.
Втайне жду, что ты тоже,
поймав этот луч в окне,
бросишь всё и, как я, поспешишь
на это свиданье...

Михаил КОНЬШИН

Автор этих сказочных историй живёт в Орле. Член Союза российских писателей. Детская тема, сказки и фантастические произведения для юных читателей являются основными в творчестве Михаила Коньшина, который ряд своих книг подписал литературным псевдонимом Михаил Орса. В 2018 году на международном литературном фестивале «ЛИФФТ-2018» в городе Сочи представленные произведения автора были удостоены серебряной медали. Член творческой бригады Всероссийского проекта «Вечный огонь» к 80-летию Великой Победы. Член жюри литературных конкурсов «Вернись на родину, душа», «Жемчужное ожерелье» и других.

Семь лепестков ромашки

Шестилетняя Соня никак не хотела готовиться к школе.

– Зачем мне учиться, – говорила она. – Я и без того всё знаю.

– И что же, интересно, ты знаешь? – спрашивала её мама.

– Много-много такого всякого, – отвечала Соня. – Знаю, что у меня на руке пять пальцев. А у собаки четырёх ноги. А больше-то зачем знать.

– Вот оно что?! – удивлялась Сонина мама и откладывала разговор до следующего раза. А Сонин папа ничего не говорил. Он только улыбался и молчал, слушая их разговор.

Ещё у Сони была бабушка и маленький братик Митя. Однажды, когда родители были на работе, у Мити неожиданно поднялась температура.

«Надо бы вызвать врача, – подумала бабушка, которая оставалась с детьми. – Но температура невысока, попробуем сами справиться».

Бабушка попросила Соню сходить на поляну у ближнего леса и нарвать семь лепестков белой ромашки.

– Мы заварим из лепестков душистый чай, – говорила бабушка. – Митя выпьет его и станет здоровым.

Соня не могла отказать бабушке, и ей было жалко Митю.

– Хорошо, бабушка, я это быстро сделаю, – согласилась она. – Митя даже не успеет проснуться.

Пришла Соня на поляну, где росло много цветов. Сорвала одну ромашку и удивляется:

– А как же мне найти эти семь лепестков? Здесь их так много.

Серая мышка, которая вылезла из своей норки, услышав такое, даже обрадовалась.

– Я помогу тебе, девочка, сорвать семь лепестков. А ты помоги мне. У меня в домике восемь малюток, мышаток моих. Они очень слабенькие, им нужны витамины. Я пока не могу их оставить. Зайди в лес, набери восемь ягод, каждому мышонку по одной. Ягоды прибавят им сил.

Делать нечего, пошла Соня в лес. А ягод в лесу видимо-невидимо. Как тут сорвать эти восемь. Посмотрела по сторонам, заметила на ветке, у дупла рыжую белочку и говорит:

– Ты не сможешь мне, белочка, собрать восемь ягод

для мышат? А мышка мне за это семь лепестков ромашковых нарвёт. Для Мити, братика моего.

– Я обязательно помогу тебе, девочка, собрать восемь ягод, – ответила рыжая белка. – Только и ты мне должна помочь. У меня трое бельчат с утра ничего не ели. Нам бы девять орешков раздобыть, по три на каждого бельчонка. Мы бы с ними целых три дня были сыты.

– Но у меня нет орешков, – расстроилась Соня. – Где же я их возьму?!

– Ничего, я тебе подскажу. Иди прямо, отсчитай девять сосен, под ними шишек с орехами нет. А вот под десятой сосной ещё много шишек осталось. Ты набери девять орешков и принеси мне. А я потом помогу тебе собрать восемь ягод.

Что делать Соне. Она согласилась. Стала считать сосны, посчитала до пяти, а дальше не знает. Стоит, чуть не плачет. Увидела на стволе дерева длинноклювого дятла. Он только что собрался пообедать. И просит его:

– Помоги мне, пожалуйста, посчитать девять сосен и найти десятую. Под ней шишки с орешками. Я должна набрать девять орешков и принести их белочке для её бельчат. Они с утра ничего не ели. За это белка поможет мне набрать восемь ягод, и я отнесу их мышке. А мышка потом сорвёт семь лепестков ромашки для Мити, братика моего, чтобы он выпил чаю из ромашковых лепестков и выздоровел.

Дятел был добрый и сразу согласился помочь.

– О, это пустяки, – заявил он. – Ты сколько сосен насчитала, когда шла в мою сторону? Всего пять? Ну, тогда пойдём дальше.

– А ты тоже меня о чём-то попросишь? – спросила Соня.

– Обязательно попрошу, – ответил длинноклювый дятел. – Ты рядом иди, слушай меня да хорошенько запоминай.

Сядет дятел на сосновое дерево, стукнет по нему своим крепким клювом и говорит:

– Это будет шесть. Запомнила?

– Запомнила! – отвечает Соня.

Перелетел дятел на другую сосну. И опять стучит своим клювом.

– Это семь, – подсказывает он.

– Я запомнила: семь, – повторяет Соня.

Так они прошли восемь, девять и дошли, наконец, до

десятой сосны, под которой валялось много ореховых шишек.

– Ой, а как же я отсчитаю девять орешков? – испугалась Соня.

– Да так же, как мы считали сосны, – подсказал добрый дятел.

Соня попробовала, и у неё получилось. Отсчитала она девять орешков, поблагодарила дятла и принесла орешки белочке.

– Спасибо тебе, девочка, – сказала ей рыжая белка. – Теперь и я помогу тебе набрать восемь ягод для мышки.

– Ну что ты, не нужно, теперь я сама, – ответила Соня.

Набрала она скоренько восемь ягод и поспешила на поляну, где жила серая мышь.

– Очень вовремя ты принесла эти ягоды, – обрадо-

валась мышка. – Пойдём, я с удовольствием помогу тебе сорвать семь лепестков ромашки.

– Ну что ты. Теперь я справлюсь сама, – сказала Соня.

Сорвала она белую ромашку, отсчитала семь лепестков, собрала их в ладонь и побежала домой.

– Ты так долго рвала свои семь лепестков, что мы уже вызвали врача, и он дал Мите лекарство, – сказала бабушка.

А Соня не решилась рассказать бабушке, почему задержалась. Она просто обняла её и тихо прошептала на ушко:

– Бабушка, теперь я всё поняла. Я обязательно пойду в школу и буду прилежно учиться. Иначе, как я смогу сосчитать ягоды, орешки и деревья на лесной опушке?!

– Вот и умница, – похвалила бабушка Соню. – Быть неучами детям никак нельзя. Они же когда-нибудь станут взрослыми, а взрослые просто обязаны знать много-много всего, чтобы правильно построить свою жизнь.

Белая кофточка

Четырёхлетняя Варя в светлой кофточке беззаботно бегаёт по двору. Туда побежит, сюда, обратно вернётся. Спряталась за ствол высокого дерева и громко зовёт:

– Мама, что ли ты не видишь меня? Смотри, где я сейчас, и ты меня совсем не найдёшь.

Мама сидит на скамейке, уткнувшись в телефон.

– Вижу, вижу тебя по белой кофточке. Она даже за деревом заметна.

Варя покидает своё укрытие, играет на детской площадке и даже катается с пластмассовой горки. Потом возвращается ближе к маме и забирается на свободную скамейку

– Смотри, как я сразу выросла! – торжественно восклицает она. – Стала совсем уже высокая, такая как ты. Признавайся, мама, так или нет?

– Конечно так, – соглашается мама. – Только ты, пожалуйста, будь аккуратней, кофточку не испачкай. Я только что её постирала.

Проходит немного времени, Вариного голоса не слышно, она тихо подходит к маме и показывает рукав.

– Видишь, он почему-то стал грязный, – виновато произносит она.

– И почему же? – мама отрывается от своего телефона.

– Наверно, его кто-нибудь испачкал.

– И кто же, по-твоему? – спрашивает мама.

– Я на этот раз не заметила, – пожимает плечами Варя. – Совсем, как вчера, заигралась и прозевала.

– Но разве не ты сама виновата?

– Нет, что ты! Кто-нибудь потихоньку подкрался и нарочно погрязнил рукав. Так бывает.

– Вот оно что?! Так бывает! – удивляется мама. – Погрязнил... Значит, ты не видишь, кто пачкает твою одежду? И даже не догадываешься?

– Ничего не поделаешь, – картинно вздыхает Варя.

– Отчего же, я знаю, что надо делать, – мама поднимается со скамейки. – Сейчас мы вернёмся домой, нальём в тазик холодной воды, добавим порошок – и ты сама постираешь кофточку.

– Как, мама?! – в глазах Вари удивление и страх. – У нас же есть стиральная машинка. Мы её включим, и она быстро всё постирает сама.

– Верно, моя милая, – соглашается мама. – Машинка у нас есть. Но включать её из-за одной твоей кофточки мы не станем. Придётся тебе постирать испачканную одежду самой. Своими руками.

– Мама, но как же так?! Я же не умею руками! – умоляюще смотрит Варя. – Я никогда так не делала.

– Ничего, я тебя научу.

Мама налила в чашку воды, добавила в воду жидкого детского мыла, размешала до появления пены.

– Теперь опускай сюда свою кофточку и стирай. Три это место своими ладонями, чтобы грязь исчезла. Вот такими движениями.

Варя нехотя стала делать так, как показала мама. Через какое-то время застирывать грязное пятно ей даже понравилось.

– Мама, а можно я постираю ещё куклино платье? – спросила она.

– Можно, если оно успело испачкаться.

– Успело, а как же ещё? Я же брала её даже на улицу и оставляла одну на лавочке. А там летает всякая пыль и всё пачкает.

– Ну, хорошо, если ты так считаешь, постирай и куклино платье.

Варю так увлекло её новое занятие, что она никак не хотела его заканчивать, пока мама об этом не попросила.

– Видишь, как здорово у тебя получается, – похвалила она свою дочку. – Ты стала настоящей прачкой.

– А прачка, она тоже любит пачкать одежду? – спросила Варя.

– Совсем нет. Прачке приходится отстирывать то, что пачкают другие.

– Тогда я тоже теперь буду прачкой. А когда опять испачкаю кофточку, то сама её постираю.

– Я рада, что ты поняла и освоила этот урок. Но лучше всё-таки быть аккуратней. Тогда и стирать не придётся, – улыбнулась мама.

Год рождения – 1778-й

245 лет назад образовалась Орловская губерния

(Продолжение. Начало в № 35)

Архитектура

Середина XVIII в. в зодчестве Орловского края характеризуется развитием стиля барокко. Продолжалось интенсивное строительство гражданских и культовых зданий. Однако памятников промышленной и гражданской архитектуры того времени осталось мало. Гораздо полнее сохранились памятники культового зодчества. Основным типом храмового здания в тот период являлся упрощенный вариант композиции восьмерик на четверике, продолжающий линию развития «нарышкинского» барокко. Типичным образцом барокко служит церковь Михаила Архангела в селе Сабурово, построенная в 1755 году.

Классицизм открыл в последней четверти XVIII века новый этап в архитектурном развитии Орловщины, повлиял на формирование нового облика городов, сёл и усадеб края. Появился новый тип храмов с купольной ротондой в различных вариантах. Для классицизма было характерно увлечение портиками и колоннадами. Внутреннее убранство культовых зданий отличалось большей строгостью.

Удаче в архитектурных решениях в большой мере способствовала ориентация планов строительства городов на здания церквей – они, поставленные в перспективах улиц, на перекрестках и на площадях, зрительно объединяли кварталы в городской ансамбль. Силуэты храмов приобретали особое значение при относительной «горизонтальности» панорам рядовой городской застройки, которая состояла из зданий примерно равной высоты и почти не имела собственных высотных акцентов.

Каменные и деревянные дома средних дворянских усадеб возводились с намерением уподобиться знаменитым образцам. Нередко это намерение сводилось к украшению дома портиком. Умело выбранное месторасположение превращало эти скромные сооружения в подлинные произведения архитектурного искусства.

Самым массовым типом общественного здания являлись относительно небольшие постройки с несложной планировкой. В конце XVIII века в связи с необходимостью сочетать жилую застройку с торговыми помещениями возник принципиально новый тип жилого дома. «Всем купцам иметь в домах своих лавки и в них торговать», – гласил указ 1769 года. Совмещение функций было обусловлено уплотнением застройки в центрах городов. Планировки того периода оказались поразительно жизнеспособны: как правило, они сохранились в качестве основы развития городов до наших дней.

Музыка

Плясовые мелодии «Камаринская», «Барыня», получившие широкое распространение по всей стране, возникли на Орловщине в конце XVI – начале XVII вв. Наигрыши эти сохранились до наших дней, не претерпев существенных изменений. Ряд источников содержит сведения о музыкальной жизни орловцев в XVIII веке. Во время народных гуляний на Троицын и Петров день простой люд повсюду «заводил

громкие песни». В Орле издавна в почёте была многоголосная хоровая песня. О наших голосистых предках писал Г.М. Пясецкий в «Исторических очерках города Орла»: «Запрягут тройку лошадей и садятся человек по 10 и по 15 песенников – кататься по городу. Тут и крик и песни во всё горло, а иные ещё и с тарелками».

Во второй половине XVIII века начала развиваться и профессиональная музыка – в это время в Орле была создана Орловская музыкальная капелла. Дворяне часто устраивали концерты, музыкальные спектакли и вечера, увлеченно занимались домашним музицированием. Орловский помещик академик Г.Н. Теплов (1717–1779) был автором первого отечественного сборника вокальной лирики «Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса, музыка Г.Т.» (опубликован в 1759 году, в нём было всего 36 страниц). Не случайно известный исследователь культуры прошлого Л.Б. Модзалевский писал: «Что касается искусств, и в частности музыки, то хорошо известно, что именно Теплов обладал в XVIII веке в России огромными теоретическими и практическими познаниями в музыке. Его имя вошло в историю русской музыкальной культуры».

Писатели и поэты – уроженцы Орловского края

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744) родился в семье господаря (правителя) Молдавии, перешедшего во время русско-турецкой войны 1711 г. на сторону Петра I и после неудачного Прутского похода переселившегося вместе с семьёй в Россию.

Будущий сатирик получил блестящее домашнее образование, прослушал лекции профессоров в Петербургской Академии наук. В 1725 году поступил на военную службу, в конце 1731 года был назначен «резидентом» (дипломатическим представителем) в Лондон. 12 лет (шесть в Англии и столько же во Франции) Кантемир достойно отстаивал интересы России, проявив себя талантливым дипломатом.

Литературная деятельность Кантемира началась с переводов, его перу принадлежит также ряд эпиграмм и басен. Самыми значительными в творческом наследии являются сатиры (всего их было девять), принесшие автору широкую литературную известность и общественное признание. Сатиры Кантемира были тесно связаны с русской национальной сатирической традицией и с жанровой формой стихотворной сатиры, выработанной поэтикой европейского классицизма на основе античных образцов. Кантемир наполнил произведения отечественным содержанием и передовыми идеями своего времени. Он не только осмеивал в духе классицизма абстрактные общечеловеческие пороки (ханжество, скупость, лицемерие, расточительность, леность, болтливость и т.п.), но, что особенно ценно, обличал пороки современной ему русской действительности. Страстный поборник просвещения, Кантемир в первую очередь обрушивался на тех, кто после смерти Петра пытался вернуть Россию к дореформенным порядкам. Кантемир едко осмеивал дворян «злонравных», требовавших себе чинов и деревень лишь за одно «бла-

городство» их «породы», и отстаивал право личной заслуги для людей из других сословий в духе петровской «Табели о рангах».

Сатиры Кантемира так и не были напечатаны при жизни поэта, но получили широкое распространение в России в многочисленных списках. Первое русское издание произведений Кантемира появилось только в 1762 году, когда его имя приобрело европейскую известность благодаря прозаическому переводу сатир на французский язык.

Для сатир Кантемира характерно широкое использование просторечия, пословиц и поговорок, близость к народному языку того времени и вместе с тем излишняя усложнённость, а порой и запутанность синтаксических конструкций. Творчество сатирика оказало большое влияние на развитие обличительного направления в русской литературе: по словам В.Г. Белинского, он «первым свёл поэзию с жизнью».

Журналист, поэт и драматург Александр Иванович Клушин (1763–1804) родился в Ливнах в семье чиновника.

Служил в Орле в недавно открывшемся наместничестве. Вспоминая то время, он писал:

*Когда я был в шестнадцать лет,
Чины и блеск меня прельщали,
Пустой мечтой обворожали, –
Без них, казалось, счастья нет...*

Вскоре А.И. Клушин поступил на военную службу, с 1788 года поселился в Петербурге. Здесь он познакомился со многими известными людьми литературного и театрального мира, в частности с И.А. Крыловым. Вместе они издавали журнал «Зритель». Здесь Клушин опубликовал серию сатирических «Портретов» и «Прогулок».

«Даровитый Клушин, – писал один из литературоведов, – благотворно влиял как на самого Крылова, так и на направление журнала, избравшего предметом своих обличений уродливые явления крепостного права, низкие страсти современного ему общества и пристрастие современников ко всему иностранному».

В 1793 году Клушин и Крылов начали издавать журнал «Санкт-Петербургский Меркурий». С большим успехом на столичной сцене шли пьесы Клушина «Смех и горе», «Алхимист». В середине 1790-х гг., будучи популярным литератором, Клушин подолгу жил в Орле и Ливнах. В ряде его произведений есть красочные зарисовки жизни этих городов.

Быт и народная культура Орловской губернии в XVIII веке. Крестьянское жилище в Орловском крае

Орловская деревня обычно представляла собой одну улицу. Но к югу от Москвы встречалась и свободная застройка: здесь не было никаких следов планировки. В «Историческом описании церквей, приходов и монастырей Орловской епархии», например, говорится: «И с внешней стороны село Столбище непривлекательно. Видны кучки без всякого плана разбросанных, почерневших, крытых соломой хат; на краю села не обсаженное деревьями кладбище с покосившимися и поломанными крестами; только радует взор зеленая церковь...»

Избы и надворные постройки в сельской местности строились почти вплотную одна к другой. На Орловщине преобладающим типом был так называемый «круглый двор», когда все сооружения представляли собой замкнутую связь. Так же строились крестьянские дома в Курской, Калужской, Смоленской, Рязанской и в ряде других центральных губерний России.

Теснота и несовершенство отопительной системы приводили к частым пожарам. Строительный камень был дефицитным материалом. Его единственной альтернативой долгое время оставалось дерево. Исстари повелось строить крестьянские дома из боровой сосны или ели. Изба строилась из крупных, до трёх сажень длиной (более шести метров) круглых брёвен, которые по четыре соединялись в четырёхугольник – венец. Изба имела деревянный пол из полубрёвен или тёсаных толстых досок. В тесноте здесь жили, как правило, 8–10 человек. Условия были довольно неблагоприятными, особенно для детей: днём холод, ночью жара, постоянное присутствие неприятных запахов. Спасала, пожалуй, только еженедельная баня, которая была обязательна для всех.

Во второй половине XVIII в. в крестьянской избе появился потолок. Раньше его не было, и пространство внутреннего помещения избы уходило под самую крышу. Традиционно дом топился «по-чёрному», то есть дым из устья печи выходил прямо в помещение и только потом через отверстия в крыше – наружу. Это позволяло сравнительно быстро нагревать избу при минимальном расходе дров, но стены быстро покрывались толстым слоем копоти. Особенно грязно было там, где за неимением дров печь топили соломой: едва ли не каждодневной заботой хозяйки оказывалась очистка стен. Отсутствие леса приводило к тому, что крестьяне строили маленькие неказистые избы: не было материала для стройки, дров для отопления большого помещения.

Строить избы с потолками начали в первую очередь крестьяне-однодворцы, крестьяне-ремесленники и вообще те, кто не находился в крепостной зависимости. Всё чаще стали появляться «красенькие окошки» взамен окон старого типа («волоковых»). «Волоковыми» окнами являлись простые отверстия, прорубленные в брёвнах сруба. «Красные» окна представляли собой рамы со стёклами.

Обычно печь стояла в правом углу от входа. Соответственно пространство перед устьем избы вплоть до фасадной стены избы называлось «стряпущей» или «поварней». Печь возводили на отдельном фундаменте, чтобы он не перекошил избы. Материалом служил кирпич или особо прочная глина. На высоте примерно двух метров устраивалась лежанка. В печах не только готовили пищу, пекли хлеб, но и парились. Печи использовались также для сушки зерна, одежды, обуви и т.д. Сбоку к печи пристраивался небольшой закуток, где обычно содержались телёнок, ягнята. На крышке закутка было спальное место, пожалуй, самое удобное в доме: не холодное, как на скамье, и не жаркое, как на печи. На лавках и прилавках обычно спали взрослые члены семьи, на печи – старики и дети. У самого потолка помещались настилы – полаты, на которых спали подростки, здесь же хранились и вещи. К потолочной балке привешивалась «люлька» – детская колыбель.

При входе в избу, по правую сторону от двери, под «святым углом» стоял обеденный стол. В «святом углу» на полочке располагались иконы. За ними хранились различные семейные реликвии, иногда деньги. Под «божницей» стояла широкая скамья, куда усаживали гостей, а в случае смерти кого-то из членов семьи сюда укладывали покойника. Во время обеда на скамье по традиции сидел глава семьи. Вдоль боковой стены с окнами стояла ещё одна лавка, от неё в сторону печи отходила короткая, но достаточно широкая скамья, на которой готовилась пища, стояли вёдра с водой, посуда: деревянные блюда, чашки, ложки, ножи, миски, кружки, горшки и т.д.

Они тоже хотели жить

Доверительный и полезный разговор в ходе Всероссийской патриотической акции «Вечный огонь. Из книги – на экран» состоялся во Дворце культуры Краснозороленского района. Сюда в канун Дня защитника Отечества на встречу с творческой бригадой ОРО Союза российских писателей пришли и приехали школьники Краснозороленской средней школы, а также старшеклассники вместе с учителями Малиновской, Оревской, Больше-Чернавской, Труновской школ. Всего более 100 человек.

– Мы очень хотели, чтобы именно в этот день у нас состоялось такое мероприятие, – сказала начальник районного отдела культуры Елена Шуркова. – В День защитника Отечества важно вспомнить страницы истории нашей страны и нашего края, почтить память героев, всех, кто защищал родную зем-

лю. Это важно и для нас, взрослых, и особенно для сегодняшней молодёжи, которая мало знает о войне, поскольку её свидетелей и участников почти не осталось.

В рамках акции «Вечный огонь» ребятам показывают документально-игровой фильм режиссёра Игоря Свеженцева по книге известного журналиста и писателя Геннадия Майорова об истории и судьбе единственного в годы войны женского противотанкового расчёта, воевавшего зимой 1943 года при освобождении Колпнянского района. Три года поисков в 80-е годы прошлого века дали неожиданный результат: двое из пяти членов женского расчёта оказались живы, хотя считалось, что все они погибли. Геннадий Николаевич нашёл их в Тамбовской области и на далёком Сахалине, записал воспоминания, ставшие основой книги, и организовал встречу боевых подруг на месте первого боя женского расчёта у деревни Кутузова на колпнянской земле 43 года спустя.

Драматичные и эмоциональные страницы этой короткой, но захватывающей судьбы героического женского расчёта, провоевавшего всего 12 дней, уничтожившего за этот небольшой отрезок времени четыре немецких танка, много вражеских солдат и пулёмётных точек, не могут не восхищать, не вызвать отклика в сердце.

– Очень жалко девушек, которые погибли, защищая свою Родину от врага, – поделились своими чувствами семиклассницы Краснозоренской школы Настя Алтунина, Снежана Шеропятова и Валерия Тарасова. – Они совсем молодые, конечно, очень хотели жить, но была война и они добровольцами пошли на фронт, чтобы сражаться. Это пример настоящего мужества и любви к своей стране и своему народу.

А десятиклассник Николай Трубицын рассказал, что, возможно, посвятит свою жизнь воинской службе, он сейчас серьёзно обдумывает этот вопрос.

Николай увлекается историей, понимает, как важно не

забывать о подвигах предков, о тех, кому мы обязаны самой возможностью жить на этой земле и говорить на родном языке.

По традиции, члены Союза российских писателей познакомили участников встречи с литературными конкурсами, которые организует и проводит эта творческая организация, подарили районной библиотеке книги своих произведений.

Акция «Вечный огонь», одобренная губернатором области, появилась благодаря инициативе Орловского Союза журналистов, Орловского отделения Союза российских писателей и Военно-исторического общества. В организации мероприятий в Орле и районах области активное участие принимают департаменты культуры и образования. В ней уже приняли участие несколько тысяч учащихся школ в 18 районах Орловщины.

Валерий СОЛДАТОВ

Анатолий ПЕРЕЛЫГИН, кандидат исторических наук

Как жили наши предки

(Окончание. Начало в № 34)

*Почётный гражданин
Орловского района*

В годы войны немецкие оккупанты в школе разместили военный госпиталь. Рядом с ней и церковью немцы организовали места для захоронения умерших раненых солдат. При отступлении, по словам в то время молодой жительницы села Саньковой Пелагеи Сергеевны, немцы бросили своих раненых, которые жалостно стонали, на милость победителя. Однако, убегая, фашисты не забыли повсюду установить мины, на одной из них, противотанковой, подорвалась подвода с вошедшими в село красноармейцами. Взрывом их разметало на десятки метров. Руку одного солдата подобрали далеко от места подрыва, на берегу реки. Наши воины и жители села с почестями похоронили семь погибших бойцов, в том числе и офицера, на местном кладбище, а позже их останки перенесли в село Лаврово. Ужасы войны оказали негативное влияние на психику и поведение многих людей. По этой причине, а также в результате упущений в организации патриотического и этического воспитания населения и, прежде всего, молодёжи иногда происходили случаи бессердечного и даже оскорбительного отношения к инвалидам и увечным участникам войны. С горечью и слезами на глазах один из них в 1972 году рассказывал о том, что его, танкиста, таранившего немецкий танк и получившего увечье, вместо уважения и благодарности, некоторые жители села Ярище Колпнянского района, в котором он проживал, позволяли себе насмешки и называли «сученый», т.е. скрученный, свитый. Такие поступки односельчан до глубины души обижали воина, героически, не щадившего своей жизни, сражавшегося с врагом ради сохранения и процветания Родины. Но от глупых поступков никто не застрахован.

Кроме того, насильственное переустройство общества и тяжёлые последствия войны, ещё более осложнившие условия жизни людей, привели к широкому распространению пьянства и падению нравов в обществе, нарушению преемственности поколений, семейных традиций и проявлению случаев неуважительного отношения к человеку.

В середине 80-х годов XX века (по свидетельству местных жителей – в 1987 году), здание церкви и школа были переданы или проданы, без документального оформления, председателем Лавровского сельсовета командованию воинской части связи, что под деревней Фоминки, для хозяйственных или личных нужд, после чего они были окончательно разрушены. По воспоминаниям очевидцев, разбирали здание школы и церкви солдаты воинской части под командованием майора с помощью бульдозера, а кирпич и щебёнку вывозили. После такого святотатства майор якобы вскоре умер, как и председатель Лавровского сельсовета, передавшая на слом древнюю православную церковь и школу. Не остались в стороне и некоторые местные жители, которые, также, под шумок, ломали стены и тащили кирпич. По словам очевидцев, их тоже постигла скорая смерть.

Таким же образом, 13 января 1939 г. был закрыт Свято-Преображенский храм в селе Лаврово.

Постановления о закрытии церквей от имени народа, подготовленные большевистской властью, имели практически одинаковое содержание и были фигурным листком для оправдания антицерковной политики.

Однако, церковному зданию с. Лаврово повезло несколько больше. В нём был склад, позже ремонтировали тракторы. Однако оно сохранилось. В конце 1980-х годов директор учхоза «Лавровский» Правдюк И.П. начал реставрацию храма (первоначально задуманное, как здание исторического музея). Над четвериком был устроен деревянный восьмерик с луковицей и крестом. Покрыт храм оцинкованным железом. Храм был оштукатурен и побелен известью.

19 августа 1993 года храм был открыт. Епископ Орловский и Брянский Паисий освятил его престол в честь Преображения Господня и возглавил Божественную литургию.

С 28 ноября 2006 года послушание настоятеля храма несёт иеромонах Арсений (Моногаров). При нём активно проводится реставрация храма и духовно-воспитательная работа с прихожанами. Оказывается духовная и материальная помощь нуждающимся. Ведётся просветительская деятельность в общеобразовательной школе и детской деревне SOS. В храме регулярно совершаются богослужения, звучат церковные песнопения и храм радуется сердца православных людей.

Уничтожение русских сёл и возрождение православного храма

Село Сретенье, как и тысячи русских поселений постигла печальная участь. Его больше нет. По этому поводу сохранился ряд документов, подтверждающих ликвидацию русских сёл. Среди них постановление Лавровского сельского Совета народных депутатов от 6 апреля 2004 года № 10/16-СС «Об исключении из государственных учётных данных населённых пунктов», в котором говорилось: «Рассмотрев акты комиссии о списании пустующих населённых пунктов администрации и установив, что в населённых пунктах с. Сретенье и д. Любаново нет проживающих и зарегистрированных жителей, отсутствуют инженерные коммуникации, нет земельных участков и домовладений, принадлежащих на праве собственности частным и юридическим лицам Лавровский сельский Совет народных депутатов постановил: 1. Исключить из государственных учётных данных населённые пункты администрации – с. Сретенье и д. Любаново. 2. Земли пустующих указанных населённых пунктов оставить в земельном фонде Лавровской сельской администрации. Председатель Лавровского сельского Совета народных депутатов В.В. Бородин».

В Актах обследования населённых пунктов с. Сретенье и д. Любаново указывалось, что с 1996 года в названных населённых пунктах никто не проживает и не зарегистрирован, за исключением трёх домов, которые бывшие владельцы используют в весенне-летний период как дачи и пользуются

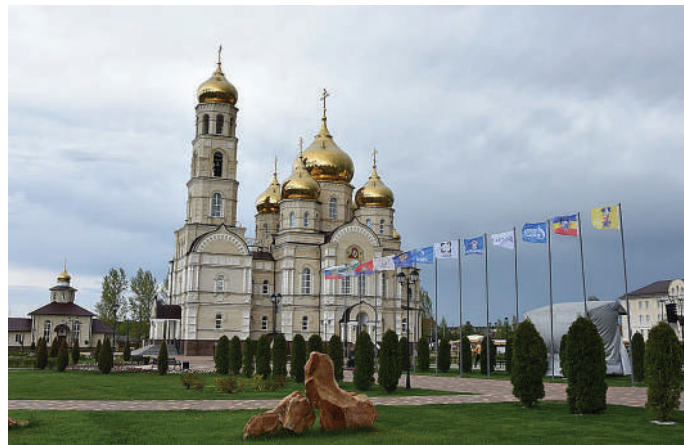
огородом. Поэтому комиссия посчитала, что эти населённые пункты необходимо исключить из государственных учётных данных. В свою очередь, Орловский районный Совет народных депутатов принял постановление от 22 апреля 2004 года № 21/132 – РС «Об исключении из учётных данных населённых пунктов», в котором «рассмотрев представленные Голохвастовским, Образцовским, Лавровским, Платоновским, Станово-Колодезьским, Троицким, Моховицким сельскими Советами народных депутатов материалы об исключении из учётных данных населённых пунктов, в которых на протяжении последних лет не проживает население, отсутствуют инженерные коммуникации и нет перспективы развития данных территорий, Орловский районный Совет народных депутатов постановил:

1. Исключить из учётных данных населённые пункты, располагавшиеся на территории Голохвастовского, Образцовского, Лавровского... сельсоветов согласно приложению.
2. Оставить земельные участки, занимаемые исключаемыми из учётных данных населёнными пунктами, в ведении сельских администраций, на территории которых они располагались.
3. Ходатайствовать перед Орловским областным Советом народных депутатов о внесении соответствующих изменений в Закон Орловской области «Об административно-территориальном устройстве Орловской области». Председатель районного Совета народных депутатов А.И. Аверкиев».

В приложении указывалось, что село Сретенье занимало площадь земель 25,2 га, а деревня Любаново – 16,5 га. Тогда же было принято «Постановление Орловского облсовета от 15 октября 2004 года № 32/645-ОС «Об упразднении ряда населённых пунктов на территории Болховского, Верховского, Дмитровского, Колпнянского, Мценского, Орловского, Покровского районов Орловской области». В соответствии с Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Законом Орловской области от 7 декабря 1999 г. «Об административно-территориальном устройстве Орловской области» и решениями... Орловского районного Совета народных депутатов... Лавровского сельского Совета народных депутатов от 6 апреля 2004 года № 10/16-СС... Орловский областной Совет народных депутатов постановляет: 1. Упразднить следующие населённые пункты Орловской области: ..., село Сретенье и деревню Любаново Лавровского сельсовета Орловского района... Председатель областного Совета народных депутатов Н.А. Володин».

Село Сретенье и д. Любаново были сняты с регистрации Лавровского сельсовета. Усадьбы жителей, места расположения школы, церкви и кладбище заросли вездесущим кленом и стали объектом «чёрных копателей», так называемых современных вандалов. Бездумная, волюнтаристская политика власти, без учёта мнения самих жителей, истории села, – привела к его исчезновению с карты нашей земли, а кроме того, является духовно-нравственным и культурно-историческим грехом перед памятью предков и будущих потомков русских людей. Однако Господь не попустил забыть Святое имя Церкви древнего села, уничтоженной по воле безбожной власти.

В нескольких километрах от неё, недалеко от посёлка Гать, был создан Духовно-Православный центр «Вятский Посад» с великолепным церковным зданием, посвящённым празднованию Сретения Господня. Духовно-православный центр «Вятский Посад» построен и действует по инициативе, благословению и молитвенной поддержке схиархимандрита Илия (Ноздрина), духовника Святейшего Патриарха Московского

и всея Руси Кирилла и его ближайшего помощника, талантливого организатора православного строительства, умного и внимательного к нуждам и скорбям людей Геннадия Николаевича Цуркова.

15 октября 2018 года по их инициативе началось строительство подсобного хозяйства «Орловский Колос», расположенного в двух километрах от посёлка городского типа Знаменка по автодороге «Орёл – Курск». На площадке активно ведутся строительные работы, возводятся корпуса сельскохозяйственной гимназии имени П.А. Столыпина, которая через год примет первых воспитанников. Новый комплекс будет продолжением и дополнением Духовно-православного центра «Вятский Посад». Открытие храма в честь преподобного Сергия Радонежского состоялось 25 сентября 2021 года. Великолепный архитектурный Церковный комплекс «Вятский Посад», духовно окормляемый подвижником Русской Православной Церкви о. Илием и под руководством Геннадия Николаевича Цуркова, с помощью Виталия Александровича Данилова, Сергея Александровича Фролова и других сподвижников, стал подлинным центром духовного просвещения и воспитания детей и молодёжи, известным и почитаемым местом паломничества православного народа. Сегодня одной из миссий Батюшки является сохранение уникального исторического наследия России – памятника архитектуры Федерального значения Сабуровской крепости! Долгие годы Сабуровская крепость находилась в забвении, а сейчас передана батюшке Илию и Духовно-православному Центру Вятский Посад на 49 лет. Сабуровская крепость – значима для России. Она будет развиваться и наполняться новым смыслом. Военно-патриотическими, просветительскими мероприятиями, народными праздниками, познавательными и образовательными экскурсиями для людей разных поколений.

КАК ЖЕ ТАК...

Из цикла «Мне о войне рассказывал отец»

Почему я лежу на спине с открытыми глазами? Но тело словно чужое, я его не чувствую и не могу пошевелиться... Кажется, была атака, мы всем взводом возбуждённо бежали на вражеские позиции. И я споткнулся. Или – наткнулся на пулю. Если ранен, то насколько серьёзно? Глаза-то всё видят. А боли я не чувствую. Может, присыпало землёй?

Ладно, рано или поздно кто-то заметит, позовёт санитаров. Лишь бы фрицы не пошли в контратаку...

Что это – снег? Медленно кружится и оседает прямо на лицо. И... не тает. Ерунда какая. А куда подевались истошные, раздражающие душу звуки боя? Тишина нереальная, так не бывает. И странно – холода я не ощущаю. Это всё наяву или в бреду?

Хочу прикрыть глаза, чтобы снег не застилал видимость, и не могу. Темнеет, что ли? Очертания предметов размываются. Хочется крикнуть, позвать на помощь, но не получается. Где же вы, братцы-пехотинцы?

Кто-то склонился надо мной, толкнул, стряхнув снег с лица. Неужто помощь пришла?.. Боже, так это ж немец! Скривился, пошарил по карманам шинели. Зло сплюнул, не найдя ничего ценного. А чего он хотел: у меня отродясь ничего, кроме хлебных крошек и табачной шелухи, в карманах не водилось. Второй фриц подошёл, что-то, видимо, по-своему сказал, вижу – только губы шевелятся, белёсый пар изо рта вырывается, – и махнул рукой, дескать, пошли, в плен брать не будем... Повезло мне?! Убежали.

Неужели перешли в контратаку? Тогда своих точно не дожидаться. И сколько же так лежать? Хорошо, хоть холода не чувствую. А что если тихо так, неприметно отморожу руки или ноги? Кому я тогда, инвалид, буду нужен...

Вечереет стремительно. Вроде как и звёзды проклюнулись. Видно плохо, раньше на зрение не жаловался, а тут всё куда-то уплывает.

Сколько же я так лежу? Наверное, порядочно. Удивительно: ни есть, ни пить не хочется, а должно быть, время к ужину. И опять снег пошёл, так, чего доброго, меня сугробом и накроет с головой. А ночью никто искать не будет. Окоченею ведь...

Кто-то замельтешил перед глазами. Свои! Ну что же вы, славяне, застыли, как не родные? О чём-то между собой переговариваются. Господи, так это же похоронная команда, неужто не разглядели, что меня ещё можно спасти... Схватили за ноги, потащили. Куда вы, бойцы? Грубо повернули набок, стаскивают шинельку. Вокруг тёмные островки тел, поле белым-бело...

Взгляд совсем затуманивается, сознание угасает. Неужели всё?! Рядом вырытая наспех яма, пританцовывающие от холода солдаты с лопатами. Живые укладывают мёртвых друг на друга поспешно и неаккуратно. Засыпают неподатливой землицей. А как же я? Подходит санитар, осматривает. И наждачной ладонью закрывает мне глаза.

Я всё же, кажется, убит...

